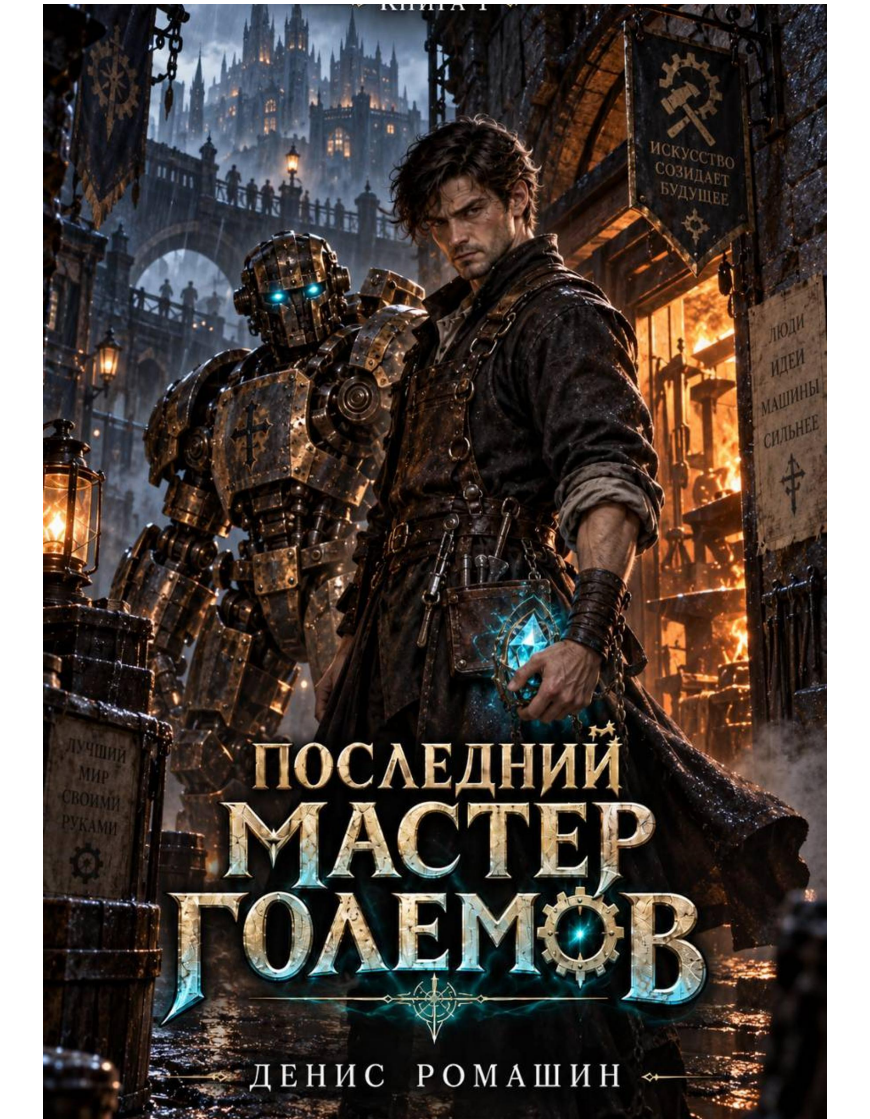

ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР ГОЛЕМОВ

ДЕНИС РОМАШИН

Денис Ромашин

Последний мастер големов

<https://litres.ru/74481078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Лавров был инженером. Теперь он — Реннар Вельт, почти разорившийся мастер големов в мире, где чужие долги могут стоить мастерской, свободы, а то и жизни.

У него нет знаний прежнего хозяина тела, денег почти не осталось, а фамилия Вельтов давно перестала вызывать уважение. Зато первое же настоящее столкновение с големным ядром открывает Максиму то, чего местные мастера не видят: внутренние связи магической машины можно не только чинить — их можно изменять.

Начав с одного верстака и мелких ремонтов, Максим собирает команду, возвращает мастерской имя и всё глубже вмешивается в логику големов. Но чем сложнее становятся его машины и дороже серые заказы, тем опаснее показывать окружающим, на что он действительно способен.

Потому что в этом мире талантливый мастер — это не только человек, которому готовы много платить. Это ещё и ценный ресурс, который кто-нибудь обязательно захочет присвоить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	75
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Денис Ромашин

Последний мастер големов

Глава 1

Первым вернулось обоняние, и это было скверное возвращение.

Пахло не больничным хлором и не остывшим машинным маслом цеха, к которому я привык за пятнадцать лет руководства механическим участком. В нос ударила едкая смесь прогорклого животного жира, кислой медной окалины, сырого известняка и горелого волоса. Так пахнет в старой кузнице, где давно не белили стены и прямо на верстаке жгли сырые тряпки.

Я попытался пошевелиться, но затылок взорвался тупой, тяжелой болью. Тело отозвалось с запозданием, словно нервные импульсы продирались сквозь мокрую вату. Ладони лежали на холодном, выщербленном дощатом полу. Под пальцами хрустнула каменная крошка вперемешку с мелкой металлической стружкой.

— Мастер... Мастер Реннар, ради Единого, только не закрывайте глаза...

Голос был молодым, ломким, сорванным до хрипоты. Кто-то торопливо опустился рядом со мной на колени. От

воротника говорившего пахло дешевым мылом, кислым хлебом и машинной полиролью.

Я заставил веки разомкнуться. Мутный сероватый свет резал глаза. Надо мной нависал дощатый потолок с закопченными стропилами, с которых свисали мотки суровой джутовой бечевки, пустые сыромятные ремни и связки сушеных трав. Лицо парня, склонившегося надо мной, двоялось: впалые щеки, жидкие светлые волосы, перепачканный черной маслянистой сажей лоб и испуганные круглые глаза. На вид ему было не больше девятнадцати.

— Мастер, вы слышите? Пульс... Печать остывает, но она еще держит, — парень протянул ко мне узкую, дрожащую ладонь с вьевшейся под ногти темной грязью, но коснуться не решился.

Я не ответил. Главное правило любого тяжелого производственного сбоя — сначала собрать вводные, оценить масштаб повреждений и только потом предпринимать действия.

Я сел, преодолевая тошноту. В правом боку и в глубине грудины пульсировало сухое, давящее тепло, похожее на ожог от электрической дуги. Но хуже всего было в правой руке: от центра ладони вверх по предплечью тянуло тупой, ноющей судорогой. Я поднес кисть к лицу.

Это была не моя рука.

Мои пальцы были шире, с аккуратными ногтями и старым шрамом от фрезы на указательном. У этой кисти костяшки были сбиты, кожа задубела от вьевшихся реагентов, а в са-

мом центре ладони темнел глубокий, чуть выпуклый багрово-коричневый след — затейливый узор из трех концентрических колец, пересеченных ломаной линией. От него исходил слабый, отчетливый жар.

«Печать Вельтов», — всплыло в голове короткое, чужое воспоминание, не оформленное в связную мысль, а скорее оставшееся телесным рефлексом.

— Сколько я был без сознания? — спросил я.

Голос прозвучал глухо, с хриплым дребезжанием, совсем не похожий на мой привычный командный баритон. Связки пересохли, во рту стоял отчетливый привкус меди.

Парень судорожно сглотнул, вытирая руки о засаленный кожаный фартук.

— Минут... минут двадцать, мастер. Как только контур замкнуло и накопитель треснул, вас отбросило к стеллажу. Я думал, ядро выжгло вас насквозь. Мастер Реннар, камень раскололся. Совсем. Там теперь только серая пыль.

Я медленно огляделся, цепляясь взглядом за материальную фактуру окружения.

Помещение было просторным, но запущенным до предела. Мастерская. Вдоль стен тянулись тяжелые дубовые верстаки с массивными чугунными тисками, ручными воротами и рядами странных резцов с короткими гранеными лезвиями. В углу высился каменный горн с остывшими углями и меховым поддувом. На деревянных полках в беспорядке громоздились бронзовые шарниры, медные стержни, пла-

стины полированного сланца и высушенные деревянные заготовки, напоминающие фрагменты суставов.

Посередине комнаты на кованых распорках стояла полуразобранная конструкция высотой мне по грудь. Корпус из клееного ясеня и кованых железных полос отдаленно напоминал торс четвероногого выючного механизма. Грудная клетка машины была распахнута, и внутри нее на медных держателях висело полое гнездо, окруженное лопнувшими стеклянными трубочками и оплавленной оловянной проволокой.

— Накопитель накрылся, — констатировал я, механически поднимаясь на ноги.

Колени мелко дрожали, но координация восстанавливалась. Рост этого тела был чуть выше моего прежнего, плечи уже, а в пояснице неприятно ныло, словно человек годами сидел за верстаком в скрюченной, неправильной позе.

— Треснул, — парень опустил голову, голос его упал до шепота. — А ведь это был последний малый камень из старого запаса. Господин Купп больше не отпустит в долг. Он вчера прямо сказал у ворот: если до десятого дня не закроем тринадцать с половиной золотых, он заберет заказанную медь со склада и снимет нас с цехового подвоза.

«Тринадцать с половиной золотых крон. Гарн Купп. Поставщик сырья».

Информация укладывалась в голове тяжелыми, угловатыми блоками. Я не помнил детства этого человека, не знал на-

изусть городских законов, но профессиональная память тела и базовые ориентиры всплывали сами, стоило зацепиться за предмет или имя.

Меня звали Реннар Вельт. Тридцать четыре года. Последний мастер мастерской Вельтов в ремесленном поясе Керна. Разорившийся ремесленник, пьяница, человек, загнавший фамильное дело в долговую яму и пытавшийся в отчаянии форсировать настройку бракованного ядра прямо на полу мастерской.

А я — Максим Лавров. Производственник, тридцать семь лет. Пятнадцать лет в механике и автоматизации, два завода за плечами — и внезапный разрыв аорты на ночном производственном совещании.

Чужая жизнь, чужие долги, чужая катастрофа.

— Как тебя зовут? — спросил я, подходя к верстаку, чтобы опереться о деревянную кромку.

Парень опешил. Глаза его расширились от суеверного ужаса.

— Мастер... Вы что, и меня не помните? Это же я, Тиль. Тиль Сорн. Вы же три года назад взяли меня у дяди из кожанного ряда...

— Помню, — оборвал я резче, чем следовало. — Голова гудит. Мысли путаются после удара. Подай воды.

Тиль метнулся к глиняному кувшину у двери, зачерпнул мутноватой холодной воды в оловянную кружку и подал мне обеими руками, стараясь не смотреть в глаза. Вода отдава-

ла колодезной известью, но смысла мерзкую медную горечь с языка.

Я сделал два жадных глотка, опустил кружку и только собрался осмотреть верстак, как с улицы донесся тяжелый, требовательный стук.

Били кулаком или рукоятью дубинки прямо в толстые дубовые доски входной двери. Створка задрожала на железных петлях, с притолоки посыпалась сухая штукатурка.

— Открывай, Вельт! — прогремел за дверью низкий, хриплый голос, привыкший орать в портовых трактирах. — Знаем, что ты внутри! Открывай, пока парни не высадили засов к бесовой матери!

Тиль побелел как мел. Кружка в его руках звякнула о край стола.

— Это они... — одними губами прошептал подмастерье, испуганно пятясь к дальнему стеллажу. — Это люди Серого. Рог Дейн пришел. Мастер, они же предупреждали... Срок по процентам истек на закате.

Из бокового коридора, ведущего в жилые комнаты первого этажа, торопливо вышла женщина лет пятидесяти. Серое шерстяное платье до полу, потемневший полотняный чепец, поверх плеч накинута вытертая шаль. Лицо худое, иссушенное заботами, в морщинах вокруг плотно сжатых губ застыла многолетняя покорная усталость. В руках она держала сухую кухонную тряпку, которую нервно комкала в кулаке.

«Ирма Вей. Экономка, ведет дом со времен отца Ренна-

ра», — услужливо подсказала память тела.

— Реннар, мальчик мой, не открывай, — тихо, но отчетливо произнесла она, глядя на меня с тяжелой, почти безнадежной жалостью. — Они опять начнут ломать скамьи. У нас в ларе всего два серебряных осталось на крупу. Нечем отдавать. Переждем, пока уйдут...

Удар в дверь повторился с удвоенной силой. Снаружи глухо заскрежетало железо: кто-то вогнал плоский ломик между косяком и полотном двери, проверяя податливость засова.

— Вельт, пададь долговая! — снова рявкнули со двора. — Тессел велел передать: если через три счета не отопрешь, мы опишем инструмент прямо сейчас. Заберем верстачный упор и делительную раму в счет пени, а тебя сдадим в караулку до суда! Раз!..

— Не уйдут, — сказал я Ирме.

Голова все еще раскалывалась, но адреналин вымел остатки слабости. На производстве я слишком много раз видел, что бывает, когда в кризисе отдаешь инициативу: поставщик перекрывает сырье, подрядчик диктует условия, а остановленный участок быстро превращается в чужую проблему. Здесь ставки были грубее. Если просто запереться и ждать, дверь выломают, инструмент вынесут, а меня самого отправят в долговую яму.

— Тиль, стой на месте и молчи, — приказал я. — Ирма, отойди к печи. Ни во что не вмешиваться.

— Реннар, они же тебя покалечат... — женщина всплес-

нула руками, но я уже шагнул к двери.

На верстаке лежало тяжелое деревянное колотило со свинцовым кольцом на бойке. Рука сама потянулась к нему, но я усилием воли заставил себя разжать пальцы. Вступать в драку с тремя вышибалами в физически истощенном теле — верный способ получить проломленный череп, после чего имущество опишут без всякого сопротивления. Сила должна подкрепляться позицией, а позиции у меня пока не было. Было только чужое имя и катастрофический долг.

Я подошел к двери, снял тяжелый кованый засов и рывком распахнул правую створку внутрь.

На пороге стояли трое.

Утренний туман Ремесленного пояса клубился за их спинами, пахнувший речной тиной, гарью и конским навозом. В сером свете отчетливо выделялся передний — плотный, коренастый мужик лет тридцати пяти в грубой кожаной безрукавке поверх полинялой зеленой рубахи. Лицо его было широким, обветренным, с приплюснутым носом и темной щетиной на тяжелой челюсти. На поясе висел широкий тесак в потертых ножнах, а в правой руке он лениво покачивал дубовую дубинку длиной с предплечье, обмотанную у комля медной проволокой.

Рог Дейн. Взыскатель и силовой подручный Серого Карда.

За его спиной переминались с ноги на ногу двое подручных — молодые, туповатого вида парни в засаленных куртках с короткими дубинками за поясом. Один из них держал

под мышкой свернутый в трубку лист дешевого серого пергамента.

— О, глядите-ка, очнулся наш великий мастер, — осклабился Рог, смерив меня наглым, оценивающим взглядом. Его глаза скользнули по моему лицу, отметили бледность, опустились к закопченному фартуку. — А мы уж думали, ты опять в канаве у трактира «Три бочки» валяешься. Живой, значит.

Он сделал широкий шаг вперед, намереваясь по-хозяйски переступить порог, но я не отступил назад, а встал прямо в створе, уперев левую руку в деревянный косяк.

Ширина проема не позволяла троим войти одновременно. Базовое правило контроля пространства: никогда не пускай агрессора в глубину помещения, если не готов к драке.

Рог нахмурился, его брови сошлись к переносице.

— Ты чего встал, Вельт? Оглох от перепоя? Убирай лапу. Мы пришли забрать то, что причитается Дому Трёх Монет за прошлую луну.

— В мастерскую ты не войдешь, Дейн, — произнес я спокойно.

Голос прозвучал сухо, без привычных для прежнего Ренара слезливых интонаций, заискивания или пьяной злобы. Я смотрел Рогу прямо в переносицу — туда, куда учат смотреть при жестких переговорах, чтобы не читать чужих эмоций и не выдавать своих.

Взыскатель на секунду опешил. Он привык к двум реак-

циям должников: либо к униженным мольбам на коленях, либо к бессмысленным истерическим попыткам схватиться за кухонный нож. Мой ледяной, почти канцелярский тон выбил его из привычной колеи.

— Ты мне условия ставить вздумал? — Рог перехватил дубинку поудобнее, его подручные позади напряглись. — У меня в руках расписка с твоей кривой закорючкой. Просрочка по четвертому платежу — две золотые кроны и восемь серебряных сверху за беспокойство и риск. Миран Тессел ясно сказал: либо звонкая монета на бочку, либо мы выносим инструмент и станки на сумму долга.

— Покажи бумагу, — потребовал я.

— Чего?! — взыскатель даже приоткрыл рот от изумления.

— Бумагу покажи, — повторил я, не повышая голоса. — Ты стоишь у дверей официальной ремесленной мастерской линии Вельтов. У тебя за спиной нет городского судебного пристава и нет цехового инспектора. Если ты снимешь замок или вынесешь станок без понятых и заверенной описи, это будет не взыскание долга, Дейн. Это будет обычный грабеж со взломом на земле городского цеха.

Рог побагровел. Он подался вперед, нависая надо мной, обдав кислым перегаром и застарелым потом:

— Ты кого пугать вздумал, щенок?! Каким судом?! Твой Дом Трёх Монет держит в кулаке половину магистрата! Серый Кард переломает твои кости в любом переулке, и никто

даже собаки не спустит! Ты должен двадцать восемь золотых основного долга и проценты за полгода!

— Я знаю, сколько я должен, — я выдержал его взгляд, даже не моргнув. — Но я также знаю, что мертвый мастер или мастер со сломанными пальцами не заработает ни одного медного гроша. Если вы заберете делительную раму или верстачные упоры, мастерская встанет. Вы продадите станки скупщику за треть цены — это покроет только проценты за пару месяцев. А основной долг Тессел с кого получать будет? С печного пепла?

Один из подручных позади Рога неуверенно переглянулся с товарищем. Аргумент был простым, материальным и слишком понятным для улицы.

Рог чуть опустил дубинку, но наглости не утратил:

— Ты три месяца обещаешь, Вельт. Сказки про богатых заказчиков мы уже слышали. Где деньги?

— Сегодня денег нет, — отрезал я. — Но у меня в работе два заказа. Складской голем для Мары Весс из порта и ремонт узлов для цеховой кузни. Если вы дадите мне работать — я начну выплаты. Если полезете внутрь ломать верстаки — прямо сейчас зовите стражу, закрывайте меня в долговую яму и объясняйте Тесселу, почему он потерял двадцать восемь золотых крон из-за вашей спешки.

Тишина повисла тяжелая, густая.

С улицы, из-за соседних заборов, уже выглядывали любопытные соседи: мальчишка-подмастерье из медницкой лав-

ки напротив замер с корзиной угля, пожилой бондарь у ворот медленно чистил трубку, прислушиваясь к каждому слову. В Ремесленном поясе слухи распространялись со скоростью весеннего паводка.

Рог оценил взглядом улицу, затем снова вперился в меня. В его маленьких темных глазках мелькнуло сомнение. Он ожидал сломленного пьяницу, которого можно запугать парой тычков в ребра, а наткнулся на холодного, упрямого человека, считающего риски и выгоду с точностью приказчика.

— Ты изменился, Вельт, — медленно, сквозь зубы процедил взыскатель. — Голову напекло или зелья дурного напился? Смотри мне. Серый Кард шуток не любит.

Он ткнул пальцем мне в грудь — тяжело, с оттяжкой, так что багровый след Печати на мгновение отозвался вспышкой тупой боли.

— До конца недели. Пять дней, Вельт. Если к исходу пятого дня ты не принесешь Тесселу в контору минимум три золотых кроны в счет процентов — я вернусь. Но уже без разговоров. Мы выломаем эти двери, вынесем все до последнего гвоздя, а твоего сопливого подмастерья продадим на Невольничьем дворе за долги хозяина. Ты меня понял?

— До конца недели, — повторил я, зафиксировав срок. — Три золотых.

— И помни: за каждый день просрочки капает по два серебряных сверху, — добавил Рог, сплюнув под ноги прямо на порог. — Пошли, парни. Пусть работает наш гений. По-

смотрим, сколько стоит фамилия Вельтов.

Они развернулись и не торопясь зашагали по раскисшей от тумана улице в сторону Нижних переулков. Один из парней на ходу оглянулся и демонстративно провел ладонью по горлу.

Я стоял на пороге, пока их фигуры в грубых куртках не растворились в сырой серой мути между домами. Затем медленно перевел дыхание, закрыл дубовую створку и опустил тяжелый железный засов на место.

Металл глухо щелкнул в пазах.

В мастерской было тихо. Только вода мерно капала из треснувшего ручкомойника в деревянное ведро.

Ирма сидела на лавке у холодной печи, уронив лицо в ладони, ее худые плечи мелко вздрагивали. Тиль стоял посреди комнаты, не сводя с меня расширенных от изумления глаз.

— Мастер... — голос парня дрожал. — Вы... вы с ними говорили так, будто за вами рота городской стражи стоит. Рог же бешеный. Он в прошлом месяце сапожнику с Нижней улицы руку перебил за четыре серебряных...

— Потому что сапожник плакал и умолял, — ответил я, чувствуя, как по вискам стекают холодные капли пота. — С хищниками нельзя торговаться на коленях. Они чуют слабость быстрее, чем запах жареного мяса.

Я подошел к центральному верстаку и тяжело опустился на табурет. Ноги гудели, тело требовало отдыха, но времени на жалость к себе не оставалось.

Ситуация была хуже, чем выглядела у двери. Купп ждал тринадцать с половиной золотых к десятому дню и мог перекрыть сырье. За Домом Трёх Монет стоял куда больший официальный долг, а люди Карда уже требовали отдельные деньги сейчас. В доме — почти пустая касса; из настоящих ресурсов только запущенная мастерская, инструмент и двое людей, которые пока еще не разбежались.

Я положил правую руку на столешницу.

Взгляд упал на треснувшее гнездо для ядра в груди стоящего рядом механизма. Я машинально коснулся медных направляющих кончиками пальцев.

И в этот момент внутри меня что-то щелкнуло.

Это не было мыслью. Скорее короткий телесный отклик — словно я коснулся работающего механизма через толстую перчатку и впервые ощутил, что внутри что-то еще живет своей жизнью.

Дерево, металл и остаточный жар в медных жилах на миг сложились в одно смутное чувство напряжения. Где-то внутри контура отклик был неправильным: энергия словно упиралась во что-то и возвращалась назад. Я не понимал ни назначения связей, ни местных формул и не мог назвать причину поломки. Но одно стало ясно — Печать позволяла чувствовать то, чего глазами я не видел.

Я отнял руку. В груди снова кольнуло жаром.

«Здесь есть внутренняя причинность. И, похоже, я могу до нее дотянуться».

Я поднял голову и посмотрел на Тиля. Парень все еще стоял у стеллажа, комкая пальцами засаленный кожаный фартук.

— Тиль.

— Да, мастер?

— Тащи сюда конторские книги, все долговые расписки, накладные Куппа и список незавершенных заказов. До последней медной полушки.

Подмастерье моргнул, словно не веря своим ушам:

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — я выпрямился, чувствуя, как холодная инженерная злость вытесняет страх и чужую усталость. — Хватит хоронить мастерскую. Пора выяснить, сколько на самом деле стоит Реннар Вельт и сколько нам нужно сделать, чтобы перестать быть чужой добычей.

Глава 2

К вечеру речной туман над Ремесленным поясом загустел, пропитался запахом сырого угля, дегтя и остывающего шлака. В мастерской стало зябко. Сквозняк тянул из щелей под тяжелыми воротами внутреннего двора, шевелил стружку на полу и заставлял чадить сальную свечу, которую Тиль пристроил на угол дубового стола.

Боль в затылке притупилась, сменившись тяжелой, чугуновой пульсацией, но правая ладонь по-прежнему ныла. Багровый контур Печати Вельтов под кожей оставался теплым, точно кусок нагретого сланца, напоминая о себе при каждом сгибе пальцев.

— Вот всё, что было в конторке, мастер, — глухо произнес Тиль, опустив на верстак оббитую медью деревянную шкапу и объемистую кипу свернутых в свитки бумаг, перехваченных лыковой бечевкой. — Ключ в замке торчал. Вы его со вчерашнего вечера не вынимали.

Парень держался поодаль, настороженно следя за моими движениями. В его взгляде читался привычный страх перед внезапной вспышкой гнева или пьяной бранью, но вместе с тем появилось новое, нерешительное любопытство. Прежний Реннар, судя по всему, в моменты похмелья и долгов либо швырялся инструментом, либо уходил в глухой запой. Мое сухое, деловое спокойствие пугало подмастерье куда

сильнее крика.

Ирма подошла к столу следом. Она зажгла вторую свечильню — глиняную плошку с дешевым рапсовым маслом, — поставила ее рядом с бумагами и тяжело оперлась ладонями о край столешницы.

— Ты бы поел, Реннар, — тихо сказала она. — С утра в рот крошки не брал. В печи полгоршка вчерашней полбы осталось, я согрею.

— Потом, Ирма, — я покачал головой, пододвигая к себе шкатулку. — Сначала ревизия. Покажи, где лежит наличность.

Экономка тяжело вздохнула, полезла за вырез платья и достала маленький кованый ключик на шерстяном шнурке. Щелкнул внутренний замочек шкатулки.

Я откинул крышку. Внутри, в трех круглых углублениях, обитых вытертым зеленым сукном, лежала вся свободная касса мастерской.

Картина была безрадостной.

Я высыпал монеты прямо на столешницу и принялся методично раскладывать их по номиналу. Звук падающего металла был тусклым, сиплым — чистого серебра здесь было немного, преобладала дешевая лигатура.

— Считаем, — произнес я вслух.

Две золотые кроны с профилем правящего короля Альбрехта. Тяжелые, потертые по гурту, с мелкими зазубринами на ободе. Рядом легли семь широких серебряных монет —

арденских тарков — и россыпь мелких медных грошей.

— Чуть больше двух золотых, если свести мелочь вместе, — подытожил я, пересчитав медь дважды. — Это всё?

— Всё, — Ирма опустила глаза, теребя край передника. — У меня в буфете на полке осталось три медных гроша на соль да кусок сала. Больше в доме денег нет. Ни полушки. На прошлой неделе ты отдал шесть серебряных в трактир «У моста», а до этого купил тот треснувший накопитель у бродячего старьевщика...

Я поморщился, но комментировать траты покойного предшественника не стал. Прошлого не изменишь. Денег хватало пережить какое-то время, но мастерская не могла просто жить — она должна была работать, закупать сырье и оплачивать долги.

— Теперь счета, — я развязал узел на лыковой бечевке и развернул стопку пергаментов.

Документы пахли пылью, кислым вином и сыростью. Ренар вел дела с поразительной, почти преступной безалаберностью. Расписки в получении авансов валялись вперемешку с цеховыми предписаниями, квитанциями на покупку древесного угля и неоплаченными счетами за кузнечные поковки. Часть записей была сделана прямо на обрывках серой оберточной бумаги небрежным, расползающимся почерком.

Я подвинул поближе глиняную плошку, взял чистый лист бумаги, огрызок свинцового грифеля и принялся разносить обязательства по колонкам, структурируя хаос.

Через сорок минут кропотливой работы передо мной легла четкая схема финансовой ямы, в которой оказалась мастерская Вельтов.

Долги делились на три совершенно разных уровня, и смешивать их было смертельно опасно.

Первый уровень — Гарн Купп.

Официальный цеховой поставщик сырья и полуфабрикатов. Законный торговец, член гильдии купцов второй гильдии.

Счет на тринадцать с половиной золотых крон.

В накладных числились сортовая медь, сухой ясень для каркасов, воск для отливки форм, калиброванная латунная проволока и несколько кованных шарниров тонкой работы. Часть материалов Реннар уже успел испортить или пустить на бессмысленные эксперименты, часть до сих пор лежала в нераспечатанных тюках под верстаком.

— Купп ждет до десятого дня, — подал голос Тиль, заметив, на каком листе задержался мой палец. — Он сам приходил в прошлый вторник. Сказал, что если к исходу десятого дня денег не будет, он закроет нам цеховой кредит, заберет заказанные бруски со склада и подаст жалобу в магистрат. Мастерскую он отнять не сможет — у него нет залоговой расписки на стены, но без его латуни и меди мы не соберем ни одного привода. Другие торговцы в долг Вельтам не дадут, у них уговор.

— Десятый день, — зафиксировал я, выводя цифру на ли-

сте. — Сегодня идет первый. Значит, чистых девять дней запаса. Купп — не бандит, ему не нужны наши кости, ему нужны тринадцать с половиной крон. Если он увидит реальные выплаты, он не станет закрывать поставки. Этот узел решается работой.

Я отложил накладные Куппа и взял в руки следующую группу бумаг — плотные, желтоватые листы гербового пергамента, скрепленные вислыми свинцовыми пломбами с изображением трех поставленных на ребро монет.

Второй уровень — Дом Трёх Монет.

Центральное кредитное учреждение Керна. Не шайка вымогателей, а мощная финансовая организация, державшая в руках векселя половины аристократов и почти всех ремесленников города.

Я внимательно вчитался в юридические формулировки договора займа, составленного полтора года назад.

Исходный заем Реннара составлял двадцать восемь золотых крон. Деньги брались под залог оборудования мастерской на расширение дела и покупку партии малых энергетических кристаллов. По законам Ардена предельная ставка по подобным займам ограничивалась двадцатью процентами годовых. Таким образом, совокупный потолок законных требований Дома, включая допустимые пени за просрочку, составлял тридцать четыре золотые кроны.

Но самое интересное открылось мне на обороте третьего листа.

В левом нижнем углу стоял четкий оттиск синего мастичного штампа Генеральной канцелярии Дома Трёх Монет. Надпись гласила: «Акт плановой ревизии Кернского отделения. Очередная проверка учетных книг назначена на 132-й день текущего годового круга».

Я замер, вглядываясь в цифры.

Сегодня шел первый день. До центральной ревизии оставалось ровно сто тридцать один день — чуть больше четырех месяцев.

Рядом со штампом мелким канцелярским почерком были вписаны обязательные правила фиксации платежей: каждый законный взнос в погашение долга должен был сопровождаться выдачей номерной расписки установленного образца с личной подписью помощника казначея и дублироваться записью в центральной книге отделения.

Я поднял глаза на стопку мелких квитанций, лежавших рядом.

Ни одной официальной номерной расписки за последние полгода там не было. Были лишь засаленные клочки бумаги с корявыми росписями Рога Дейна и краткие пометки: «Принято в счет покрытия риска — один золотой», «Сбор за отсрочку описи — двенадцать серебряных», «Пени за беспокойство — восемь серебряных».

Вот он, третий уровень долга — Миран Тессел и Серый Кард.

По бумагам складывалась неприятная версия. Каменное

здание мастерской Вельтов с кузней, сухим подвалом и цеховыми привилегиями стоило заметно дороже самого займа. Если Тессел намеренно уводил платежи мимо официальной книги, ему могло быть выгоднее не просто вернуть деньги, а держать Реннара в просрочке и однажды добратсья до имущества. Доказательств этой цели у меня пока не было, но риск был слишком очевидным, чтобы его игнорировать.

Именно поэтому Серый Кард и его взыскатель Рог Дейн требовали деньги без выдачи центральных квитанций. Платежи Реннара просто не попадали в официальный реестр отделения. В главной книге долг продолжал висеть мертвым грузом, проценты формально нарастали, а наличные серебряные и золотые монеты оседали в карманах Тессела и бандитов.

— Ирма, — тихо позвал я. — Когда Реннар в прошлый раз относил деньги лично в контору Дома Трёх Монет?

Женщина нахмурилась, припоминая:

— Лично? Да еще прошлой осенью, мальчик мой. До первых заморозков. Отнес пять золотых. Вернулся чернее тучи, сказал, что Тессел даже слушать его не стал — велел платить через людей Карда, иначе грозился прислать судебных приставов на следующий же день. С тех пор Реннар в контору больше не ходил. Боялся. Все деньги Рогу отдавал, когда тот в дверь стучал.

— И Рог давал вот эти клочки, — я брезгливо смахнул пальцем неофициальные расписки.

— Давал, — подтвердил Тиль. — Говорил: «Тессел в книгу сам впишет, не твоего ума дело, мастер». А в прошлый раз и вовсе ничего не дал, заржал только и сказал, что это плата за то, чтобы парни Карда мастерскую по пьянке не спалили.

Я откинулся на спинку стула. Дерево жалобно скрипнуло.

Картина прояснилась окончательно.

Миран Тессел сидел на двух стульях. С одной стороны, он прикрывался авторитетом огромной финансовой структуры, пугая должников судебными приставами и законным залогом. С другой — действовал как обычный ростовщик-уголовник, переписывая правила на ходу. Но у этой конструкции была ахиллесова пята. И имя ей было — день 132.

Через четыре месяца в Керн приедет столичный ревизор. И если к моменту ревизии вскроется, что официальный реестр отделения не сходится с фактическими платежами, если обнаружатся левые сборы и шантаж — у Тессела возникнут колоссальные проблемы с собственным руководством. Дом Трёх Монет дорожил репутацией и жестко наказывал управляющих, ворующих мимо центральной кассы.

Вот только сейчас этот козырь был для меня бесполезен.

У меня не было ни денег, чтобы закрыть подтвержденный остаток, ни юридических доказательств злоупотреблений Тессела. Попытайся я сейчас пойти к городскому магистрату с этими каракулями Рога — меня просто поднимут на смех. Магистрат Харл Венн, как и сказал Рог, кормился из рук того же Тессела.

Сначала нужно было выжить.

— Значит так, — я положил ладони на стол, собирая внимание Ирмы и Тиля. — Слушайте меня внимательно. Никаких побегов. Никакой продажи мастерской. Стены и инструмент остаются за нами.

Ирма испуганно прижала руку к груди:

— Реннар, но как же... Рог вернется через пять дней! Он три золотых требует! Если мы не отдадим, он верстаки разламает!

— Через пять дней он получит свои три золотых, — отрезал я. — Но он получит их на моих условиях. Мы не станем прятаться и не станем умолять. Наша задача на ближайшие дни — жесткое разделение входящих потоков.

Я придвинул чистый лист и набросал короткую схему:

— Все деньги, которые будут приходить в дом, делятся на три части. Первая — материалы и инструмент. Без них мы содохнем с голоду через две недели. Вторая — обязательные законные платежи. Сюда входит Гарн Купп. Если мы потеряем снабжение, мастерская встанет. Третья часть — неприкосновенный резерв. Его прячем. Ни одна живая душа, кроме нас троих, не должна знать, сколько серебра лежит в тайнике.

— А Тессел? — робко спросил Тиль. — Ему сколько показывать?

— Тесселу и Карду мы будем показывать ровно столько, чтобы они не сорвались на силовой захват, — усмехнулся

я, и в голосе прорезалась холодная, расчетливая злость. — Мы будем казаться нищими, загнанными в угол неудачниками, которые из последних сил собирают медь на очередной процент. Никакой новой одежды. Никаких сытных обедов в трактирах. Если мы начнем открыто швырять золотом, Тессел удвоит поборы на следующий же день. Мы будем платить Рогу только необходимый минимум ради выигрыша времени.

— А если они потребуют всё сразу? — спросила Ирма.

— Не потребуют. Пока они верят, что могут выжать из меня больше денег живым, чем мертвым, они будут ждать. Жадность — лучший поводок для таких псов. Но чтобы платить, нам нужно работать. Тиль, что у нас сейчас реально стоит в работе?

Подмастерье встрепенулся, торопливо загибая узкие, перепачканные сажей пальцы:

— Первое — большой складской голем госпожи Мары Весс из портового квартала. Механизм тяжелый, на четырех дубовых опорах с медным приводом. Там полетел коленный шарнир левой передней ноги и сместилась распределительная планка. Мара дала два серебряных аванса на смазку и металл, обещала еще тридцать серебряных, если машина встанет на ход к исходу третьего дня.

— Тридцать серебряных... — я быстро прикинул в уме. — Это полторы золотые кроны. Хорошо. Что еще?

— Еще кузнечные меха для цеховой кузни у Северных во-

рот. Там простая работа — перебрать рычажный механизм и заменить медные втулки. За это мастер Гор даст восемь серебряных. И... и всё. От остальных заказов вы в прошлом месяце сами отказались, когда руку обожгли.

Я поднялся из-за стола, взял сальную свечу и подошел к полуразобранной конструкции, стоявшей посреди мастерской.

Это был тот самый голем, на котором прежний Реннар спалил накопитель и собственное сознание.

При слабом свете свечи ясеневый корпус выглядел грубым, но добротным. В массивных деревянных сегментах был хороший запас прочности — старая мастерская Вельтов явно предпочитала надежность изяществу.

Я протянул правую руку и коснулся ладонью обнаженного гнезда для ядра.

Печать отозвалась легким покалыванием.

На этот раз я уже ждал странного ощущения и потому не отдернул руку сразу. Изнутри пришло не изображение и не готовая схема, а смутная связность: остаточный отклик в контуре, несколько направлений напряжения и одно неприятное место, где движение будто упиралось и возвращалось назад.

Что именно там происходило, я не знал. Но внешняя механика давала рабочую гипотезу: прежний Реннар пытался заставить привод работать рывком там, где системе требовалось сгладить передачу усилия.

Я убрал руку. Сердце билось ровно и тяжело.

Дар Реннара в сочетании с моим земным опытом давал странный и пока плохо понятный инструмент. Я знал механику и умел искать причинную связь между нагрузкой и сбоем; Печать добавляла к этому ощущения, которых на Земле просто не существовало. Местные мастера понимали свои формы, материалы и настройку куда лучше меня. Моим преимуществом могло стать другое: чувствовать внутри машины проблему и затем проверять ее привычной мне логикой.

Но этот секрет должен был оставаться тайной за семью печатями. Пока я слаб, пока у меня нет денег и собственной силы — любое проявление уникального мастерства станет не спасением, а смертным приговором. Если Тессел или знать из Верхнего города поймут, на что способна эта мастерская, меня просто запрут в подвале на цепь и заставят настраивать ядра под кнутом.

— Тиль, — не оборачиваясь, произнес я.

— Да, мастер?

— Завтра на рассвете начинаем с машины Мары Весс. Подготовишь верстак, тиски, разведешь горн для пайки меди и принесешь из подвала весь запас дубовых клиньев. Работать будем от восхода до полуночи. К исходу третьего дня голем должен уйти заказчице своим ходом.

— Своим ходом? — парень недоверчиво моргнул. — Но там же шарнир расколот, его в цеховой кузне отливать надо...

— Сами переберем, — отрезал я. — Поставим бронзовую втулку и изменим плечо рычага. Хватит платить чужим кузнецам за то, что можно сделать собственными руками.

Я повернулся к Ирме. Женщина смотрела на меня с затаенным изумлением. В ее глазах больше не было прежней безнадежности — появилась осторожная, робкая надежда, за которую она хваталась, словно утопающий за брошенную веревку.

— Ирма. Шкатулку спрячь в подполе, за третьим кирпичом от левого угла очага. Оставь на столе только два серебряных и медь. Если в дом зайдет кто-то чужой — мы нищие. Мы собираем крохи на хлеб и боимся собственной тени. Ты поняла?

— Поняла, Реннар, — экономка быстро кивнула, сгребая монеты обратно в суконные гнезда шкатулки. — Всё сделаю. Пойду полбу согрею. Тебе силы нужны, на одном упрямстве далеко не уедешь.

Она торопливо ушла на кухню, аккуратно прикрыв за собой скрипучую дверь.

Я подошел к узкому окну мастерской, выходившему на темную улицу.

Дождь кончился. В разрывах низких туч тускло блеснула холодная осенняя луна, посеребрив черепичные крыши Ремесленного пояса.

На противоположной стороне переуллка, в глубокой тени под навесом заброшенной красильни, стоял темный, непо-

движный силуэт. Человек кутался в грубый плащ, над его плечом слабо тлел огонек курительной трубки.

Люди Серого Карда выставили наблюдение. Они не ушли — они стерегли свою потенциальную добычу, отсчитывая дни до назначенного срока.

Я смотрел на темную фигуру в переулке, чувствуя, как внутри закипает холодная, жесткая злость.

«Смотрите, твари. Считайте свои проценты».

Пять дней до первого визита Рога Дейна. Девять дней до расчета с Гарном Куппом. Сто тридцать один день до центральной ревизии Дома Трёх Монет.

Времени было в обрез. Но теперь у меня был план, были ресурсы и было понимание того, как устроена эта долговая петля.

Я опустил холщовую занавеску, отсекая ночную тьму, и повернулся к верстаку. Пора было браться за работу.

Глава 3

Горн разогрели еще затемно, и к утру мастерская уже пропахла кислой окалиной и сырым каменным углем.

В мастерской было душно и шумно. Меха гудели ровно, с тяжелым всхлипом втягивая сырой воздух и выдувая в кирпичное сопло струю жара. Тиль стоял у горна, упершись левым бедром в деревянный поручень поддува, и методично качал рычаг. Парень весь взмок: светлые волосы слиплись на лбу, лицо покраснело, а серый шерстяной рукав его куртки был заляпан свежими каплями машинного дегтя.

Посреди помещения на четырех массивных дубовых козлах покоился голем Мары Весс.

Это была тяжелая портовая машина — так называемый «грузовой четвероног», собранный лет восемь назад на верфях Нижнего Керна. Конструкция простая, топорная, рассчитанная не на изящество, а на бесконечную перевалку бочек с сельдью, тюков пеньки и мешков с зерном. Каркас из толстого мореного ясеня, усиленный коваными железными полосами по хребту и широким свинцовым противовесом в крупе.

Проблема, из-за которой машина встала две недели назад, была видна невооруженным глазом.

Левая передняя опора голема была вывернута под неестественным углом. Литая бронзовая втулка коленного шарни-

ра лопнула вдоль крепежного паза, раскрошив край деревянной щеки, а распределительная планка из полированного серого сланца, передававшая импульс от грудного узла к копыту, треснула и заметно ушла в сторону.

— Мастер, полоса прогрелась, — хрипло крикнул Тиль, перекрывая гул поддува.

Я подошел к горну, взял длинными кузнечными клещами брусок сортовой меди, вытащил его из углей и опустил на наковальню. Металл светился мягким, вишневым жаром.

— Молот, — скомандовал я.

Тиль перехватил тяжелую ручную кувалду. Я приставил каленый зубило-рассекатель к краю бруска.

— Бей.

Удар. Звон металла отозвался в висках знакомой, отрезвляющей вибрацией. Отрезанный кусок меди с глухим стуком упал в ящик с сухим песком.

За прошедшие сорок восемь часов я почти не спал. Мы с Тилем полностью разобрали поврежденную конечность, вычистили из сочленений слежавшуюся смесь соли, угля и задохшей рыбьей слизи, заново прострогали посадочное гнездо в ясеновом бруске и выточили из старого лома новую бронзовую гильзу.

Но главная работа была не в металле.

Прежний мастер собрал машину по вполне рабочей для своего времени схеме, но под портовой нагрузкой у нее проявилось слабое место. Передаточная тяга сидела слишком

близко к центру вращения, поэтому тяжелая опора требовала лишнего усилия, а ядро компенсировало механику повышенной тягой.

Всякий раз, когда голем шагал по скользким гранитным плитам причала с полным выюком, шарнир испытывал колоссальное скручивающее напряжение. Металл держал, пока был новым, но дерево внутри посадочного паза постепенно сминалось, зазор увеличивался, и в один прекрасный день возвратный удар расколол втулку и выбил распределительную планку.

Если бы я просто поставил новую бронзовую гильзу и собрал узел по старому шаблону — как сделал бы любой другой мастер Керна, — голем проработал бы от силы луну, после чего нога разлетелась бы снова.

Я поступил иначе.

Мы сместили крепежную проушину ниже по ходу рычага, увеличив рабочее плечо, и установили дополнительный упорный клин из каленого дуба, чтобы снять поперечное усилие с бронзы при опоре на грунт. Обычная прикладная механика — ровно та часть задачи, в которой мой земной опыт действительно давал преимущество.

Но оставалась вторая половина задачи. Магическая.

— Тиль, глуши меха, — я бросил клещи в корыто с водой. Раздалось шипение, облако едкого пара ударило в потолок. — Затягивай стяжные болты на шарнире. До упора, но без срыва резьбы.

Парень торопливо взялся за тяжелый кованый ключ. Железо глухо скрипело, притягивая новую бронзовую щеку к зачищенному дереву.

Я вытер ладони о замасленную ветошь и подошел к грудной клетке голема.

Люк на боку машины был распахнут. Внутри, на трех медных лапах-распорках, покоился рабочий накопитель — мутный, синевато-серый кристалл кварцита размером с кулак взрослого мужчины. Он был тусклым, истощенным, но целым. От кристалла во все стороны расходились плетеные медные жгуты, покрытые шелковой обмоткой, пропитанной пчелиным воском. Жгуты уходили в распределительные коробки, откуда тонкие жилы тянулись к ногам, шее и хребту.

Я положил правую ладонь на центральную бронзовую пластину контура.

Печать Вельтов отозвалась мгновенно — сухим, горячим покалыванием в самом центре ладони, словно под кожу плеснули горячего растительного масла.

Я замер, закрыв глаза и выравнивая дыхание.

Это ощущение все еще оставалось чужим и непривычным. Никакого чертежа перед глазами не возникло. Я просто чувствовал слабый запас энергии в камне и вязкое сопротивление, которое становилось заметно сильнее, когда пытался подать импульс к отремонтированной левой ноге.

Я несколько раз повторил пробу, меняя положение сустава вручную. Сопротивление возникало в одной и той же точ-

ке хода.

Вот это уже было похоже на задачу, которую я понимал. Мы изменили геометрию рычага, а старая настройка продолжала требовать прежнего движения. Где именно внутри формы возникало несогласование, Печать мне не объясняла. Но внешний ход механизма и магический отклик совпадали слишком хорошо, чтобы считать это случайностью.

«Надо согласовать ход», — решил я.

Я мог бы попытаться компенсировать несогласование большей подачей энергии, но это только перенесло бы нагрузку на болты и сланец.

Я убрал правую руку от груди, достал из кармана тонкий костяной щуп и аккуратно ослабил фиксирующие винты сланцевой планки на коленном суставе.

— Тиль, возьми ногу за копыто, — не оборачиваясь, произнес я. — Приподними немного. Медленно, без рывков.

Подмастерье ухватился за нижний ясеновый сегмент, натужно кряхтя. Сустав согнулся. Бронзовая втулка скользнула по смазанной оси мягко, без металлического скрежета.

— Держи так, — скомандовал я.

Я снова прижал ладонь с Печатью к контактной пластине. В груди кольнуло тупой болью, отдавая в затылок. Я сосредоточился, стараясь не выпустить наружу слишком много силы — память тела предупреждала, что мой собственный внутренний резерв после недавнего срыва был нестабилен и мог сорваться в неконтролируемый выброс.

Тонкая, едва заметная теплая нить потекла из центра моей ладони в медный проводник.

Я вел слабый импульс на ощупь и свободной левой рукой понемногу сдвигал сланцевую планку вдоль прорези. В одном положении внутреннее сопротивление стало слабее.

Дрожь в металле спала.

Сланцевая пластина перестала дрожать под пальцами. Что именно изменилось внутри формы, я пока не видел, но отклик стал ровнее.

— Отпускай, — выдохнул я, отнимая руку от груди голема.

Ноги подкосились. Перед глазами на секунду поплыли серые круги, к горлу подкатила тошнота. Я тяжело оперся о верстак, сжимая дрожащие пальцы в кулак. Ладонь горела так, словно я схватился за ручку раскаленной сковороды, а в висках молотом стучала кровь.

Плата за настройку. Магия в этом мире не была бесплатной — она пожирала физические силы мастера, требуя предельной концентрации и оставляя после себя свинцовую слабость во всем теле.

Тиль осторожно опустил ногу голема на деревянную подставку и уставился на меня с неприкрытым волнением:

— Мастер... Вы в порядке? Лицо белое, как мел.

— Нормально, — я сглотнул вязкую слюну, вытирая рукавом холодный пот со лба. — Подай ключ. Надо законтрить сланцевый фиксатор, пока настройка не уплыла.

Мы затянули последние гайки, закрыли защитный медный кожух на колене и залили стыки горячим битумным варом для защиты от портовой грязи и соленой воды.

Солнце за узкими, запыленными окнами мастерской уже перевалило за полдень. В Ремесленном поясе начинался обычный предвечерний шум: гроыхали по булыжникам тяжелогруженные телеги, перекликались разносчики пирогов, а из соседней кузни доносились мерные, гулкие удары тяжелого молота.

— Снимаем с козел, — приказал я, подходя к рычажной тали, подвешенной к потолочной балке.

Вдвоем с Тилем мы завели пеньковые стропы под брюхо голема, выбрали слабину цепи и выбили дубовые подпорки. Тяжелая туша машины качнулась в воздухе и с глухим стуком опустилась всеми четырьмя копытами на дощатый пол мастерской.

Доски жалобно заскрипели под весом ясеня, железа и свинца.

Я подошел к голове голема — тупому деревянному брусу с двумя круглыми медными пластинами вместо глаз — и нажал скрытый под челюстью пусковой штифт.

Внутри корпуса что-то негромко щелкнуло.

Накопитель в груди отозвался ровным, низким гулом, похожим на вибрацию трансформаторной будки. Медные жилы нагрелись. Голем вздрогнул, его деревянные сочленения натянулись, выбирая зазоры, и машина медленно, уверенно

приподнялась на всех четырех опорах, выравнивая горизонт корпуса.

Левая передняя нога стояла прямо, принимая на себя свою долю веса без малейшего проседания или перекоса.

— Работает... — прошептал Тиль, боясь громко вздохнуть. — Клянусь Единым, мастер, он стоит ровнее, чем когда его привезли из порта!

— Рано радоваться, — осадил я парня. — Статика ничего не значит. Надо проверить динамику под нагрузкой.

Я взял из угла мастерской длинную направляющую жердь с медным наконечником — стандартный поводок для управления рабочими машинами — и коснулся управляющего гнезда на затылке голема.

— Шаг, — скомандовал я.

Голем качнул корпусом, перенес центр тяжести на заднюю ось и вынес вперед отремонтированную левую ногу.

Движение получилось плавным, без прежнего судорожно-го рывка. Коленный шарнир согнулся ровно настолько, насколько требовалось для шага, дубовый клин мягко погасил удар о доски пола, и машина сделала следующий шаг, затем еще один, описав широкий полукруг по свободному пространству мастерской.

Ни стука, ни заедания, ни запаха горелого воска от проводников.

— Держит, — тихо сказал я самому себе, чувствуя, как в груди отпускает тугая пружина напряжения. — Держит, черт

побери.

В этот момент со стороны двора послышался глухой стук тяжелых сапог по булыжной мостовой, сопровождаемый недовольным женским окриком:

— Эй, в мастерской! Есть кто живой, или Вельт опять допился до синих чертей?!

Тиль вздрогнул и испуганно посмотрел на входную дверь:

— Мара Весс пришла...

— Открывай, — спокойно бросил я, убирая направляющую жердь в угол и поправляя кожаный фартук.

Створка двери распахнулась, впуская в мастерскую прохладный вечерний воздух и плотную, уверенную фигуру хозяйки портовых складов.

Маре Весс было около сорока лет. Высокая, широкоплечая, с обветренным, грубоватым лицом и цепкими, серыми глазами человека, привыкшего держать в повиновении полсотни пьяных портовых грузчиков. Одета она была практически и дорого по меркам Ремесленного пояса: куртка из толстой дубленой кожи с медными пуговицами, темная шерстяная юбка, подколота у пояса, чтобы не волочилась по грязи, и высокие сапоги на толстой подошве. На широком кожаном ремне висел тяжелый кожаный кошель и связка массивных складских ключей.

За ее спиной на пороге маячили двое подручных — коренастые парни в просмоленных парусиновых безрукавках с широкими деревянными слегами в руках, готовые в случае

чего вытаскивать сломанную машину волоком.

Мара переступила порог, окинула мастерскую быстрым, оценивающим взглядом, отметила идеальный порядок на верстаках и чисто выметенный пол, после чего ее взор уперся прямо в стоящего посреди комнаты голема.

Женщина замерла. Ее брови медленно поползли вверх.

— Стоит? — произнесла она с явным недоверием в голосе.

— Стоит, госпожа Весс, — ответил я, делая шаг навстречу. — И не просто стоит. Машина готова к работе.

Мара подошла ближе, обошла четверонога со всех сторон, внимательно разглядывая свежий слой битумного вара на левом колене и блестящие головки новых стяжных болтов. Она нагнулась, уперлась обеими руками в ясеневый борт и со всей силы налегла на корпус, пытаясь раскачать машину.

Голем даже не шелохнулся, мерно и ровно гудя накопительем.

— Ты говорил, там шарнир в куски разлетелся, — подозрительно прищурилась хозяйка складов, поворачиваясь ко мне. — Я думала, ты придешь клянчить еще серебра на отливку новой ноги у цеховых литейщиков. Дерен Фост, вон, заломил сорок пять серебряных и две недели сроку. Сказал, что каркас повело и проще новый корпус заказать.

— Фост предложил безопасный для мастера вариант — заменить узел целиком, — ответил я. — Я пошел другим путем. Каркас оказался цел. Мы заменили бронзовую втулку

ку, усилили посадочное гнездо и изменили плечо рычага. Теперь нагрузка распределяется мягче.

— Изменили плечо? — Мара нахмурилась, явно не понимая технической сути, но уловив главное: машина стояла на четырех ногах без видимых дефектов. — Сказать-то всё что угодно можно, Вельт. А груз он потянет? У меня на пятом причале баржа с солью стоит, разгружать надо до ночного прилива.

— Проверяйте, — я указал рукой в сторону внутреннего двора. — Там лежит комплект чугунных противовесов для испытаний. Тиль, навешивай грузовые корзины.

Следующие двадцать минут прошли в жестком, деловом молчании.

Подручные Мары с явным сомнением закрепили по бокам голема широкие плетеные короба и методично загрузили их чугунными болванками почти до предельной рабочей нагрузки.

Под такой тяжестью ясеновые балки голема натянулись, раздался сухой треск притертого дерева, но когда я коснулся поводком направляющего гнезда и вывел машину во внутренний мощеный двор, голем пошел уверенно и ровно. Он без труда преодолел пологий подъем у ворот, развернулся на пятачке перед сараем и замер по первой команде, удерживая груз без малейшей дрожи в отремонтированном суставе.

Более того — благодаря правильному рычагу левая нога двигалась заметно мягче правой, старой, которая при каж-

дом шаге глухо стучала железом о камень.

Один из грузчиков Мары уважительно присвистнул:

— Гляди-ка, хозяйка... Он пустой так не ходил, как сейчас под чугуном прет. Нога-то как влитая сидит.

Мара Весс подошла к голему, провела пальцем в грубой перчатке по теплomu медному кожуху сустава, затем повернулась ко мне. В ее жестком взгляде больше не было насмешки или снисходительного пренебрежения. Появился расчет — холодный, практичный расчет опытной торговли, увидевшей редкую выгоду.

— Сколько, ты говоришь, взял за работу? — спросила она.

— Как договаривались, госпожа Весс. Два серебряных выдали авансом на материалы. Остаток — тридцать серебряных тарков при сдаче на ход.

Мара полезла за вырез кожаной куртки, достала тяжелый кошель и, не торгуясь, принялась отсчитывать широкие серебряные монеты прямо мне на ладонь.

Звон чистого серебра в тишине вечернего двора прозвучал слаще любой музыки.

— Держи, Вельт. Ровно тридцать тарков, — она затянула шнурок кошелька и внимательно посмотрела мне прямо в глаза. — Скажу прямо: я думала, ты окончательно спустил мастерскую отца в канаву. Люди говорили, что ты из запоев не вылезашь, а долгов нахватал столько, что до зимы тебя в яму упекут. Но руки у тебя, гляжу, на место встали.

— Руки никуда не девались, — ответил я, пряча монеты в карман фартука. Холодный металл приятно оттягивал ткань.

— Просто раньше было много лишней суеты. Теперь ее нет.

— Это хорошо, что нет, — кивнула Мара, подавая знак своим парням забирать поводья голема. — У меня в порту еще три таких четверонога бегают. И у двух из них хребтовые шарниры скрипят так, что с другого конца причала слышно. Если этот мешок с солью отработает неделю без поломок — я пришлю к тебе остальные. Но смотри, Реннар: если нога отвалится на причале до конца декады — я вернусь и заберу свое серебро обратно вместе с твоим верстаком.

— Не отвалится, — твердо сказал я. — Гарантирую работой Вельтов.

Мара хмыкнула, еще раз окинула меня долгим, изучающим взглядом и махнула рукой подручным:

— Пошли, парни. Баржа ждать не будет.

Тяжелые створки ворот закрылись за скрипящим под грузом големом и фигурами портовых работников.

Шум улицы постепенно стих.

Я вернулся в мастерскую.

Тиль стоял у остывающего горна, ошарашенно глядя на верстак, словно все еще не верил, что мы только что сдали заказ в срок и получили полную оплату без единого спора или штрафа.

Из кухни неслышно вышла Ирма. В руках она держала глиняную миску с горячей полбой, от которой шел густой

пар.

— Ушли? — тихо спросила она.

— Ушли, — я подошел к столу и высыпал из кармана тридцать серебряных монет.

Они рассыпались по дубовой столешнице сверкающим, тяжелым веером.

— Тридцать серебряных, — произнес я, глядя на монеты.

Ирма прижала ладонь к рту, ее глаза увлажнились. Для дома, где последние полгода считали медные гроши на сухари, это была огромная, почти невероятная сумма, заработанная за один честный рабочий день.

— Реннар... — прошептала она. — Это же... это же можно и муки купить, и масла, и...

— Нет, Ирма, — мягко, но непрекескемо оборвал я ее. — Муку купим самую простую. На еду оставим ровно столько, чтобы не падать от голода.

Я пододвинул монеты к себе и быстро прикинул общую наличность. Даже вместе со стартовой кассой этого было слишком мало для двух ближайших угроз.

Маленькая, но первая абсолютно реальная победа. Я заработал эти деньги сам — своим инженерным умом, чужими руками и новой, смертельно опасной силой этого тела.

Но эйфории не было. Был холодный, трезвый расчет производителя.

— Смотрите правде в глаза, — я посмотрел по очереди на Ирму и Тиля. — Рог вернется совсем скоро и потребует три

золотых. Если отдадим ему почти всё, Куппа уже не закроем.

— А Купп ждет тринадцать с половиной, — тихо добавил Тиль, и радость на его лице мгновенно погасла. — Иначе он перекроет поставки сырья и заберет заказанные материалы.

— Именно, — кивнул я. — Мелкий честный ремонт дает деньги, но слишком медленно. Даже если заказы посыплются с неба, до срока Куппа мы не успеем заработать нужное количество одними такими работами. Нам не хватит времени и рук.

Я сгреб серебро в ладонь, подошел к подполу и опустил монеты в потайную шкатулку за кирпичом очага.

План выхода из ямы требовал резкого ускорения. Мелкие легальные заказы давали средства на поддержание жизни и маскировали мастерскую под обычное ремесленное предприятие. Но чтобы закрыть Куппа до десятого дня и выбить почву из-под ног вымогателей, мне нужны были другие деньги.

Большие, быстрые и неизбежно опасные деньги.

Я закрыл тайник, выпрямился и посмотрел на свои руки. Правая ладонь все еще слабо ныла, багровый узор Печати под кожей пульсировал ровным, глухим теплом.

Чужой долг перестал быть абстрактным приговором. Он превратился в производственную задачу с жестким графиком, и я собирался решить ее до конца.

Глава 4

К Медному ряду мы вышли в сырое, промозглое утро.

Туман с реки не рассеялся даже к полудню. Он висел над Ремесленным поясом тяжелым, липким пологом, оседая на плечах водянистой пылью и смешиваясь с едким угольным чадом сотен кузнечных труб. Улицы здесь не мостили гранитом, как в Верхнем городе; под ногами чавкала жирная черная грязь, перемешанная с конским навозом, битым сланцем и щепой.

Мы с Тилем вышли из мастерской сразу после колокольного звона к третьему часу.

В кармане моей шерстяной куртки лежали две тяжелые серебряные монеты из тех, что заплатила Мара Весс. Это был весь наш текущий оборотный фонд на мелкие расходы. Остальные деньги — три целых и семь десятых золотой кроны — лежали глубоко в подполе, за третьим кирпичом очага.

Но эти три с лишним кроны были миражом.

Сегодня истекал пятидневный срок, назначенный Рогом Дейном. К вечеру взыскатели Серого Карда явятся за тремя золотыми. Если отдать им требуемое, у нас останется меньше одной кроны, а до десятого дня — до расчета с Гарном Куппом — останется ровно пять суток. Тринадцать с половиной золотых крон за медь и брусья не вырастут из воздуха. Мелкий ремонт вроде замены втулки на кузнечных мехах

давал гроши, которых едва хватало на овес и рапсовое масло для светильен.

Мастерской нужны были крупные, дорогие заказы. А чтобы их получить, Реннару Вельту требовалось выйти на улицу и заставить людей забыть о том, кем он был последние три года.

— Куда сначала, мастер? — Тиль зябко кутался в короткий войлочный плащ, держа под мышкой холщовую сумку с деревянными калибрами и набором медных шупов.

— К мастеру Корбу, на литейный двор, — ответил я, перешагивая через глубокую колею, залитую мутной жижей. — У него на прошлой неделе встал формовочный пресс.

— Корб злой, — тихо вздохнул парень, стараясь не отставать. — Вы у него прошлой осенью брали четыре бронзовые отливки под честное слово, а деньги отдали только к зиме, когда он уже цехового старосту звать собирался...

— Знаю, — коротко бросил я. — Прошное не сотрешь. Но прессы сами себя не чинят.

Литейный двор Корба занимал целый тупик в конце Медного ряда.

Это было огромное полуоткрытое бревенчатое строение с высокой закопченной трубой и широким дощатым навесом, под которым громоздились железные опоки, ящики с формовочной землей и остывающие чугунные болванки. Во дворе стоял невыносимый шум: звенели наковальни, с шипением остывали в чанах отливки, а полуголые подмастерья

в брезентовых фартуках с глухими окриками таскали на железных носилках ковши с жидкой бронзой.

Сам Корб — низкорослый, кряжистый мужик лет пятидесяти с седой всклокоченной бородой и обожженными до белых рубцов предплечьями — стоял посреди двора и орал на двоих рабочих, безуспешно пытавшихся повернуть тяжелый чугунный маховик пристенного пресса.

Рядом с прессом на дубовой колоде неподвижно замер голем-привод.

Это была старая, грубая машина на двух массивных чугунных тумбах вместо ног. Ее плечевой пояс состоял из кованых железных балок, а вместо рук из груди выходили два толстых поршня, которые должны были мерно опускать и поднимать формовочную трамбовку. Сейчас поршни заклинило в нижнем положении, а из трещины в боковом медном кожухе сочилась темная, дурно пахнущая смесь смолы и перегретого воска.

— Руки из задницы растут! — рычал Корб, брызжа слюной в лицо старшему рабочему. — Я вам за что жратву покупаю, псы ленивые?! Тяните рычаг, пока сталь не остыла! Опоки пустые стоят!

— Не провернет, мастер Корб, — угрюмо буркнул рабочий, вытирая закопченный лоб тыльной стороной рукавицы. — Ядро внутри стучит, а тяга мертво стоит. Дерен Фост позавчера смотрел, сказал — распределительную коробку повело от жара. Сорок серебряных за переборку просит, и еще

две недели ждать, пока он из Верхнего города новые сланцевые пластины привезет.

— Сорок серебряных?! — Корб едва не задохнулся от ярости, его борода затряслась. — Да чтоб этот Фост своими пластинами подавился! Где я ему сорок тарков возьму в середине декады?!

Я сделал шаг вперед, выйдя из-под навеса на свет факелов:

— Доброго дня, мастер Корб.

Литейщик резко обернулся. Его маленькие, налитые кровью глаза скользнули по моему лицу, опустились к чистому кожаному фартуку, затем вернулись к глазам. На его грубом, обожженном лице мгновенно проступило выражение безграничного, безглагового изумления.

— Ты? — Корб сплюнул прямо на чугунную стружку у моих ног. — Глядите-ка, люди добрые! Сам мастер Вельт из канавы вылез! Ты чего сюда приперся, Реннар? Вина на опохмел не хватает, решил по старой памяти серебра стрелнуть?

Подмастерья у горна заржали. Двое кузнецов опустили молоты, с глумливым интересом уставившись в нашу сторону. В Ремесленном поясе чужое падение всегда служило лучшим бесплатным развлечением.

Тиль за моей спиной весь сжался, втянув голову в плечи. Парень покраснел до корней волос и опустил глаза в землю.

Я почувствовал, как в груди поднимается знакомая, ко-

лючая злость — не чужая, а моя собственная, заводская. На Земле мне не раз приходилось выслушивать таких крикунов на проблемных участках: шума много, а линия всё равно стоит. Там у меня были должность, люди и право остановить работу, пока мы не разберемся по фактам. Здесь я был Реннаром Вельтом — банкротом с запятнанным именем и долгой петлей на шее.

Эмоции стоили дорого. Расчет не стоил ничего.

— Я пришел по делу, мастер Корб, — произнес я спокойно, не повышая голоса и не отводя взгляда. — Пресс стоит. Металл стынет. Если форма не заполнится до заката, вы потеряете стоимость двух плавок.

— А тебе-то какая печаль до моих плавок?! — Корб упер кулаки в бока, нависая надо мной. От него пахло дешевой водкой, гарью и кислым потом. — Ты свой пресс в мастерской давно пропил, великий артефактор! Забыл, как прошлой весной взялся кузнечные клещи зачаровать, спалил мастеру Гору три медных шины и неделю под верстаком от кредиторов прятался?!

— Помню, — ровно ответил я. — Ошибки случаются. Но этот привод собирал мой отец двадцать лет назад. Я знаю его схему наизусть.

— Схему он знает! — Корб повернулся к своим рабочим, призывая их в свидетели. — Слыхали?! Пьяница нас учить вздумал! Да твоему отцу в гробу тошно от того, во что ты мастерскую превратил! Вся улица знает: у Вельта руки тря-

сутся так, что он медную проволоку в паз попасть не может! Пошел вон с моего двора, пока я парням не велел тебя в шлаковую яму спустить!

Тиль дернул меня за край плаща:

— Мастер... пойдёмте. Пойдёмте отсюда, ради Единого...

Я не шелохнулся.

Внутри все кипело от унижения, но я заставил себя смотреть не на Корба, а на двор. Формовка стояла, рабочие то и дело косились на остывающий металл, сам Корб между руганью поглядывал на неподвижный пресс. Как бы он ко мне ни относился, поломка от крика никуда не исчезала.

— Выслушай меня, Корб, — сказал я жестко, сделав шаг вперед. Расстояние между нами сократилось до полушага. — Фост просит сорок серебряных и две недели. Я сделаю это за три дня. И возьму двадцать.

Шум во дворе словно притих. Подмастерья перестали ухмыляться.

Корб прищурился, в его глазах блеснула жадная, недоверчивая настороженность:

— Двадцать? За переборку коробки и замену сланца?

— Я не вижу признаков, что сланец повело от жара, — я указал на нижний сегмент поршня. — По перекосу больше похоже, что проблема началась в механике обратного хода. Если там срезало направляющий штифт, поршень мог закусить в направляющих, а уже потом контур ушел в защитный сброс. Дай мне разобрать кожух — и я скажу точно.

Литейщик замер, посмотрел на потеки смолы, потом на перекошенный поршень. Насмешка с его лица не исчезла, но теперь он хотя бы слушал.

— Сказки рассказывать ты всегда умел, Вельт, — медленно, сквозь зубы процедил Корб. — А если ты мне поршни окончательно заклинишь? Если ядро треснет? Кто мне убыток покроет? У тебя за душой ни гроша нет, только долги Серому Карду!

— Если я испорчу пресс — заберешь мою делительную раму из мастерской, — произнес я цену, от которой у Тили за спиной перехватило дыхание. — Оформим залоговую расписку у цехового писца.

Делительная рама была сердцем мастерской Вельтов. Без нее нарезка точных шестерен и градуировка сланцевых пластин становилась невозможной. Потерять раму означало окончательную профессиональную смерть.

Корб опешил. Его взгляд метнулся от моей руки к Тиллю и обратно: ставка была достаточно ясной и без объяснений.

— Без аванса, — быстро добавил литейщик, моментально переходя в режим торга. Жажда наживы пересилила спесь. — Ни единой медной полушки вперед я тебе не дам. Материалы и смазку покупаешь на свои. Срок — три дня. За каждый день просрочки — штраф в два серебряных тарка. Если к вечеру восьмого дня пресс не сделает сто обжимов без остановки — денег не получишь вовсе, а рама переходит ко мне.

Условия были грабительскими, откровенно кабальными. Любой уважающий себя мастер плюнул бы Корбу в лицо и ушел.

Я посмотрел на неподвижный поршень пресса. Внутри меня уже включился холодный расчет: работы здесь было на два полных рабочих дня, медный пруток для штифта стоил три серебряных, еще один тарк уйдет на чистый воск и льняное масло. Чистая прибыль — шестнадцать серебряных. Меньше одной золотой кроны. Но это были живые деньги и возвращенная репутация среди цеховых.

— По рукам, мастер Корб, — ответил я, протягивая ладонь. — Зови писца.

Корб смерил мою руку тяжелым, пренебрежительным взглядом, но ладонь пожал. Его пальцы были жесткими, шершавыми, как наждачный камень.

— Смотри, Вельт. Сам напросился. Парни! Освободите место у пресса! Пусть наш гений ковыряется, пока пальцы целы.

Пока писец в конторке составлял кабальный договор под скрип гусяного пера, я вышел на улицу, чтобы перевести дух.

Шум литейного двора остался за спиной, но спокойнее не стало. Прямо напротив ворот Корба, у каменной стены зернового склада, разворачивалась другая сцена, заставившая меня остановиться.

Посередине улицы стояла тяжелая четырехколесная повозка с высокими бортами, доверху нагруженная мешками с

рожью. Одно из задних колес провалилось в глубокую канаву, повозка опасно накренилась, и несколько мешков лопнули, высыпав серое сухое зерно прямо в дорожную жижу.

Рядом с повозкой стоял рослый мужчина в дорогом суконном плаще темно-синего цвета с серебряным шитьем по вороту — гербом дома Лорен. В руках он держал длинный сыromятный бич с медными наконечниками на хвостах.

У его ног на коленях в грязи стоял пожилой возчик в рваной сермяге. Лицо старика было разбито в кровь, спина под изодранной рубахой покрылась багровыми, сочащимися сукровицей полосами.

— Тварь безрукая! — размеренно, без крика, с ледяным сословным бешенством приговаривал управляющий, нанося удар за ударом.

Бич со свистом рассекал сырой воздух. Кожа лопалась с сухим, влажным треском. Старик не кричал — только глухо стонал, прижимая локти к ребрам и утыкаясь лицом в грязь.

— Полповозки отборного зерна в канаву спустил, скотина, — продолжал господин, переводя дыхание. — Ты знаешь, сколько стоит мешок сортовой ржи из верхних амбаров? Ты за всю свою поганую жизнь столько не заработаешь!

Мимо шли люди.

Подмастерья с мешками угля, торговцы пирогами, цеховые мастера в кожаных фартуках. Никто не останавливался. Никто даже не поворачивал головы. Прохожие лишь слегка забирали вправо, обходя лужу крови и рассыпанное зерно,

словно на мостовой пороли не живого человека, а чинили сломавшееся колесо.

По законам Ардена крепостной возчик был собственно-стью торгового дома. Управляющий имел полное, абсолютное право засечь его насмерть прямо на мостовой за порчу господского груза, и городской магистрат не принял бы даже жалобы от его семьи. Убийство свободного человека еще считалось преступлением, если у него были заступники в цехе. Жизнь зависимого стоила ровно столько, сколько за нее заплатил хозяин на Невольничьем дворе.

Тиль подошел ко мне сзади, неся подписанный пергамент с печатью писца. Он бросил короткий, испуганный взгляд на свистящий бич и торопливо отвел глаза.

— Это люди Лоренов, мастер, — шепотом произнес подмастерье. — Возчик из их пригородного поместья. Вчера на переправе застрял, а сегодня ось лопнула... Не смотрите туда. Управляющий злой, еще стражу кликнет за дерзость.

Я смотрел на багровые рубцы на спине старика, чувствуя, как внутри застывает тяжелый, холодный ком.

Я не был святым. На Земле мне приходилось останавливать убыточные участки, урезать смены, спорить с подрядчиками и принимать решения, после которых люди меня ненавидели. Но там были договоры, процедуры и граница, за которой начиналось преступление.

Здесь не было ничего, кроме голой силы, сословного права и звонкой монеты.

Если у тебя нет статуса, если у тебя нет денег, чтобы купить защиту цеха или нанять вооруженную охрану, — ты ничем не отличаешься от этого возчика в грязи. Тебя могут выпороть до мяса за сломанную ось, продать твоих детей за долги или запереть в господскую яму, пока твои кости не сгниют в сырости.

«Думаешь, ты особенный, Максим Лавров?» — спросил я сам себя.

Прежний Реннар Вельт думал, что достаточно просто иметь старую фамилию и уметь паять медь. И закончил тем, что загнал себя в угол, откуда был только один выход — рабство или петля. Мир не прощал слабости. Мир плевать хотел на твою профессиональную гордость, если за ней не стояло золота и зубов.

— Пошли в мастерскую, Тиль, — негромко сказал я, отворачиваясь от повозки.

— А договор? — парень протянул мне лист.

— Договор у нас в кармане, — я спрятал пергамент за пазуху. — Бери сумку. Нам нужна сортовая медь, льняное масло и чистый воск. Работать начнем через час.

Мы шли обратно по раскисшим переулкам Ремесленного пояса. Туман становился гуще, воздух холодал, предвещая скорые сумерки.

В голове складывалась предельно ясная картина реальности.

Унижение перед Корбом было неизбежной платой за

входной билет. Мне плюнули в лицо, меня называли пьяницей и вором, мне выкатили кабальные условия — но я забрал этот чертов заказ. Я проглотил личную обиду, потому что гордость мертвого мастера не стоит даже медного гроша.

«Пусть смеются. Пусть считают неудачником, готовым работать за обеды».

Каждый починенный голем, каждая замененная втулка, каждая выигранная монета были шагами к одной цели — перестать быть добычей. Чтобы однажды, когда ко мне придет очередной холеный господин с бичом или криминальный взыскатель с дубинкой, у меня было достаточно силы, чтобы не стоять перед ними на коленях в грязи.

У ворот мастерской нас уже ждали.

В сгущающихся сумерках у забора маячили две плотные, коренастые фигуры в темных кожаных безрукавках. Над плечом одного из них тлел красный огонек курительной трубки.

Рог Дейн пришел за процентами.

Пятый день заканчивался. Время разговоров прошло — начиналась настоящая борьба за выживание.

Глава 5

Сумерки в Ремесленном поясе падали быстро, словно на город набрасывали мокрый войлочный полог. Воздух остыл, от реки потянуло гнилой тиной и гарью остывающих плавлен.

Рог Дейн стоял у калитки мастерской, небрежно привалившись плечом к замшелому столбу забора. Его подручный — долговязый парень со следами оспы на щеках — сидел на пустой смоляной бочке и лениво строгал засапожным ножом дубовую щепку. При виде нас с Тилем парень опустил нож, а Рог не спеша выпрямился, выбил трубку о каблук и сплюнул под ноги.

— Гуляешь, мастер? — хрипло осведомился взыскатель, окинув меня тяжелым, цепким взглядом. — А солнце-то за храмовую колокольню село. Пятый день к концу подошел.

Тиль позади меня судорожно перехватил холщовую сумку с медными шупами, стараясь не звенеть инструментом.

— Проходи в дом, Дейн, — спокойно сказал я, толкая дубовую калитку. — На улице сыро, незачем соседям уши греть.

Рог хмыкнул, кивнул оспопалому оставаться у входа и шагнул следом за мной через мощеный дворик.

В мастерской горела всего одна масляная плошка. Ирма сидела у печи, но при звуке открывающейся двери мгновенно

но вскочила, сжимая в пальцах полотняную тряпку. Я показал ей ладонью: оставаться на месте.

Я подошел к верстаку, снял кожаную куртку, бросил ее на табурет и повернулся к взыскателю:

— Говори.

Рог не торопился. Он медленно обошел полуразобранный остов четверонога, провел грязным пальцем по свежему распилу ясеня, затем оперся обеими руками о край верстака, нависая надо мной. От него несло кислым элем, луком и застарелой конской упряжью.

— Три золотые кроны, Вельт. Миран Тессел ждет до полудня завтрашнего дня. Если денег не будет в кассе — Серый Кард пришлет десяток парней с ломami. Они не станут разбираться, где тут у тебя ценный резец, а где дрова.

— Сядь, Рог, — я указал на свободный стул с грубой деревянной спинкой. — В ногах правды нет.

Взыскатель прищурился, явно удивленный тем, что я не лезу в подпол за монетами и не начинаю заикаться от страха. Однако на стул опустился, положив тяжелые ладони на колени.

— Ты думаешь, я не знаю, сколько у тебя в кошельке? — усмехнулся он. — Мара Весс отдала тебе тридцать серебряных за портовую колымагу. Плюс старые медяки. У тебя есть три золотых, Вельт. Ты можешь их отдать прямо сейчас, и мы с тобой мирно разойдемся до следующей луны.

— Могу, — подтвердил я, глядя ему прямо в переносицу.

— Отдам три кроны. У меня останется меньше одного золотого. Через два дня — десятый день годового круга. Дедлайн Гарна Куппа. Купп не бандит, он цеховой купец. Ему нужно отдать тринадцать с половиной золотых крон за поставки меди и дерева. Если я не плачу — он забирает сырье со склада и наглухо перекрывает мне кредит во всех гильдейских лавках города.

Рог равнодушно пожал широкими плечами:

— Проблемы должника взыскателя не кормят. Какое дело Карду до твоего Куппа?

— Прямое, — я подался вперед, понизив голос до сухого, делового шепота. — Если Купп закроет поставки, мастерская остановится. Я не смогу брать в работу даже простые механизмы вроде пресса Корба. Через месяц у меня не будет ни трех серебряных, ни трех медных. Тессел выгонит меня на улицу, вы продадите эти стены скупщикам за полцены, а Кард потеряет мастера, который способен оживлять машины быстрее и дешевле любого цехового артефактора в поясе.

В глазах Рога мелькнула тень расчета. Он был уличным силовиком, но отнюдь не дураком. Выбивать гроши из нищих сапожников было привычным делом, но доить работающее ремесленное предприятие приносило куда больше регулярной прибыли.

— Ты к чему клонишь, Вельт? — медленно спросил он.

— К тому, что вы пришли не просто за тремя монетами, — ответил я. — Если бы Карду нужны были только эти три

кроны, ты бы не стоял у моих ворот полчаса, ожидая, пока я вернусь из литейного ряда. Что нужно Карду?

Рог криво осклабился, обнажив желтые, неровные зубы. Он полез за пазуху, достал короткую костяную трубку, но зажигать не стал — просто покрутил в пальцах.

— Говорят, ты умным стал после того, как тебе ядром по кумполу прилетело. Ладно. Слушай.

Он наклонился ближе к столу, понизив голос:

— У Карда есть интерес на Речном канале. Там ночью ходят плоскодонки. С товаром, про который городской таможне знать не обязательно. Тюки с шелком из южных княжеств, бочонки с неочищенным серебром, эльфийское вино. Носить всё это на горбах грузчиков — долго и шумно. Стража у моста стала жадной, караулы меняют через два часа.

— Нужен бесшумный грузовой голем, — мгновенно сформулировал я производственную задачу.

— Не просто голем, — Рог постучал костяной трубкой по дереву стола. — Низкий. Чтобы в плоскодонку помещался под брезент и не торчал над бортом. Груз должен брать такой, чтобы двое грузчиков не унесли за раз. Чтобы шел по топкому илистому берегу, не вязнул и не хрустел суставами на полквартала. И главное: чтобы от него не разило магией за сотню шагов. У ночных патрулей на набережной есть поисковые кристаллы. Если ядро светит, как костер в поле, нас накроют на первой же разгрузке.

— Гашение резонансного фона, — кивнул я. — Это слож-

ная работа.

— Карду плевать, сложная она или простая. Если берешь-ся и сдаешь тележку через два дня — получаешь двенадцать золотых крон чистыми на руки. Плюс три золотых за прошлый месяц Тессел списывает как уплаченные. Ты отдаешь долг своему Куппу, сохраняешь поставки и остаешься чистеньким перед гильдией.

Предложение повисло в тишине комнаты тяжелым, чугунным грузом.

Ловушка была видна насквозь.

Серый Кард не просто предлагал выгодную сделку — он втягивал меня в контрабандную сеть. Собрав для него специализированную машину под ночные перевозки, я становился частью этой работы. Если стража перехватит такой аппарат на реке, след неизбежно приведет в Ремесленный пояс. Это был компромат, поводок, на который бандиты сажали должников, чтобы потом требовать всё более опасных и грязных услуг.

Но был и другой расчет — холодный, арифметический.

До дедлайна Куппа оставалось чуть больше двух суток. Никакой честный цеховой ремонт не даст мне тринадцать с половиной золотых крон за сорок восемь часов. Пресс Корба принесет всего один золотой, за вычетом материалов — копейки. Если я откажусь сейчас — через три дня я банкрот, лишенный меди, инструментов и защиты закона.

Чтобы выбраться из чужой ямы, иногда приходится брать

грязные деньги. Главное — не оставить на этих деньгах собственных отпечатков пальцев.

— Каркас и накопитель ваши, — произнес я жестко. — Я не стану тратить свое дерево и портить свои кристаллы.

— Доставят сегодня к полуночи во двор, — без запинки ответил Рог, словно заранее знал мой ответ. — Старую двухколесную тележку на дубовых рессорах и мутный гномий камень на тридцать циклов. Больше не дадим.

— И еще одно условие, — я посмотрел ему в глаза. — Машина будет слепой и глухой. Только ручное управление через жесткий направляющий поводок. Никакого самостоятельного движения, никакого поиска маршрута. Вы тянете за румпель — она идет. Вы отпускаете — она встает мертво.

Рог усмехнулся:

— Нам разумный слуга и не нужен, мастер. Нам нужен безголовый осел, который не жрет овса и не орет, когда на него грузят чужое серебро. По рукам?

— По рукам, — я пожал его широкую, мозолистую ладонь. — Привозите каркас. К исходу восьмого дня заберете готовую машину.

Следующие сорок восемь часов слились в одну бесконечную, выматывающую смену.

В полночь подручные Карда молча вкатили во внутренний двор тяжелую, низко посаженную двухколесную тележку из просмоленного дуба с двумя широкими деревянными полозьями спереди вместо третьей опоры. Конструкция бы-

ла приземистой, уродливой, но прочной. Вместе с тележкой на верстак лег пыльный холщовый мешочек, в котором глухо звякнул синеватый кристалл низкосортного кварцита из западных гномьих отвалов.

Мы разделили работу на два параллельных потока.

Днем мы с Тилем бегали на литейный двор Корба, где доводили до ума заклинивший формовочный пресс. Там всё прошло по расчету: мы заменили срезанный медный штифт, выставили поршень по свинцовому отвесу и залили в распределительную коробку смесь топленого сала с воском. На исходе седьмого дня пресс Корба со свистом и тяжелым уханьем отбил сотню контрольных формовок подряд. Корб скрипел зубами, матерился сквозь седую бороду, но в присутствии цехового писца отсчитал мне двадцать серебряных тарков. Один полновесный золотой лег в наш резерв.

Но настоящая битва разворачивалась по ночам, при наглухо занавешенных окнах мастерской Вельтов.

Задача для контрабандистов требовала тонкого инженерного баланса.

Чтобы тележка двигалась бесшумно, я не стал ставить металлические шестерни. Мы с Тилем вытесали из вязкого яблоневого дерева кулачковые передачи, выварили их в льняном масле и проложили все суставы полосьями из толстой сыромятной кожи, пропитанной свиным жиром. Дерево скользило по коже мягко, глуша любые стуки и вибрации.

Но главным вызовом оставалось гашение магического

следа.

Один из известных способов маскировки накопителя — свинцовый экран. Для короткой работы он годился, но в закрытой тележке возникала другая проблема: тепло оставалось внутри контура, и дешёвый камень быстро начинал перегреваться.

Я применил земной принцип пассивного радиатора и распределенного заземления.

Я положил правую ладонь на контактную пластину кристалла, активируя Печать Вельтов.

Багровый узор под кожей вспыхнул сухим, жалящим жаром. Сознание привычно скользнуло внутрь кристаллической структуры. Гномий кварцит был грубым, полным внутренних трещин и мутных шлаковых включений. Энергия текла по нему неровными, рваными толчками.

Я не стал перестраивать логику кристалла — раскрывать перед Кардом свои уникальные возможности было бы чистым самоубийством. Я оставил примитивную стандартную форму движения «вперед-стоп», доступную любому подмастерью.

Но я изменил внешнюю разводку контура.

Вместо прямых медных шин мы с Тилем сплели сложную многожильную косичку из чередующихся латунных и железных проволок. Пропустив паразитные токи через это плетение, я заставил избыточный резонансный фон рассеиваться в виде слабого тепла прямо по массивной чугунной оси те-

лежаки. Чугун работал как массивный радиатор, охлаждаемый сырым речным воздухом.

Фон заметно просел. Я не знал, как поведут себя лучшие поисковые артефакты города, но против обычного патрульного кристалла такая схема должна была дать нам шанс.

К утру восьмого дня работа была закончена.

Тележка стояла посреди мастерской — низкая, едва выше колена, с широкой платформой, обитой смоленным холстом. Когда я вставил направляющий деревянный румпель и подал легкий импульс через контактную скобу, механизм бесшумно тронулся с места. Колеса мягко провернулись на смазанных салом ступицах, полозья плавно скользнули по доскам.

В тишине мастерской было слышно только легкое, сухое шуршание кожи по дереву.

Тиль, сидевший на полу с воспаленными от бессонницы глазами, покачал головой:

— Клянусь предками, мастер... Она идет тише кошки. Если б сам не собирал — подумал бы, что тут эльфийское плетение.

— Обычная механика, Тиль, — сухо оборвал я его, смывая масляную грязь с ладоней в корыте с щелоком. — Запомни: для всех, кто спросит, это старая портовая тачка с двойным передаточным валом. Никаких чудес.

В полночь восьмого дня во двор снова зашел Рог Дейн. С ним был невысокий, худой человек в глубоком надвинутом капюшоне и просторном шерстяном плаще. Незнакомец не

назвал своего имени, не поднял глаз, лишь молча обошел тележку, достал из кармана граненый тускло-желтый кристалл поисковика и провел им вдоль всего корпуса.

Кристалл остался темным. Этого теста было достаточно.

Человек в капюшоне коснулся поводка, сделал два шага вперед. Тележка послушно, без единого звука покатилась следом.

Незнакомец коротко, удовлетворенно кивнул Рогу, развернулся и вышел со двора. Двое рослых парней в темных куртках подхватили поводья и плавно выкатили аппарат за ворота, растворившись в ночной мгле.

Рог остался. Он полез за вырез безрукавки, достал тяжелый холщовый кисет, перевязанный суровой бечевкой, и с глухим, сочным стуком опустил его на верстак.

— Здесь двенадцать золотых крон, Вельт, — негромко произнес взыскатель. — Монета полновесная, кернской чеканки. И вот твоя расписка по процентам за прошлый месяц. Тессел поставил пометку: погашено.

Я взял серый листок пергамента, поднес к светильне. На нем действительно стояла кривая закорючка Тессела. Личный подбор был закрыт.

— Карду понравилась твоя работа, мастер, — добавил Рог, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Он сказал: с такими руками грех в канаве подыхать. Скоро будет еще один заказ. Покрупнее.

— Все заказы — через предварительный расчет, Дейн, —

ответил я, пряча кисет в карман фартука.

Рог усмехнулся, хлопнул меня по плечу тяжелой ладонью и зашагал к выходу:

— Бывай, мастер Вельт. До скорого.

К утру я снова сидел за конторским столом, но впервые раскладывал монеты не для того, чтобы решить, кому не заплатить.

Серые деньги Карда и расчет Корба дали главное: после расходов на материалы я мог закрыть Куппа полностью и не оставить дом совсем без еды и угля.

Я отсчитал тринадцать с половиной золотых крон, ссыпал их в кожаный мешок и затянул горловину узлом. После этого свободная касса снова сжималась почти до нуля. Но этот шаг был необходим.

— Тиль, — я поднялся из-за стола, накидывая на плечи куртку. — Бери долговую расписку Куппа. Идем на Медный ряд.

Контора Гарна Куппа располагалась в двухэтажном каменном здании возле Главных товарных весов. Внизу размещались обширные крытые склады, где пахло сосновой смолой, свежим тесом, сухим известняком и холодным листовым металлом. Десятки грузчиков и возчиков сновали по пандусам, перекатывая бочки и разгружая телеги с сортовым железом.

Сам Гарн Купп — плотный, гладко выбритый мужчина лет сорока восьми с холодным, пронизательным взглядом и

аккуратно подстриженными сидящими висками — сидел за высоким дубовым конторским бюро на втором этаже. На нем был добротный суконный кафтан с бобровой опушкой, а на указательном пальце поблескивал массивный золотой перстень гильдии купцов.

Увидев меня на пороге, Купп медленно отложил гусиное перо, поправил манжеты и откинулся на спинку резного кресла.

— Мастер Вельт, — в его голосе не было хамства Корба или уличной наглости Рога; это была холодная, выверенная вежливость крупного торговца, привыкшего говорить на языке цифр. — Если вы пришли просить об отсрочке до пятнадцатого дня — вынужден вас огорчить. Срок истекает на десятый день. Сегодня восьмой. Через два дня я аннулирую ваш договор и отправлю приказчику на склад распоряжение о возврате зарезервированных брусков меди и ясеня. Никаких исключений.

Я молча подошел к бюро, развязал шнурок кожаного мешка и с глухим, тяжелым звоном высыпал золотые и серебряные монеты прямо на зеленую суконную столешницу.

Золото блеснуло на солнце яркими, чистыми гранями.

Купп замер. Его брови дрогнули, холодные серые глаза опустились к россыпи монет, затем медленно поднялись к моему лицу.

— Здесь ровно тринадцать с половиной золотых крон, господин Купп, — произнес я спокойно, глядя ему прямо

в глаза. — Полный расчет по старой задолженности мастерской Вельтов. До наступления десятого дня.

Купец молчал добрых полминуты. Он не стал задавать глупых вопросов о том, где разорившийся мастер взял целое состояние за три дня. В торговом мире Керна умели уважать звонкую монету.

Купп пододвинул к себе деревянные счетные весы с латунными чашами, взял специальный костяной пинцет и принялся методично, монета за монетой, проверять вес и пробу.

Щелк. Щелк. Щелк.

Тишина в конторе нарушалась только мерным звоном металла и приглушенным шумом склада внизу.

Закончив проверку, Купп аккуратно сгреб золото в ящик стола, открыл тяжелую гроссбух-книгу в кожаном переплете и сделал четкую, размашистую запись чернилами. Затем он достал из папки старую расписку Реннара, обмакнул перо в красные чернила, перечеркнул текст двумя диагональными линиями и прижал внизу тяжелую латунную печать своей конторы.

— Долг закрыт полностью, мастер Вельт, — Купп протянул мне погашенный пергамент. — Претензий гильдия к вам не имеет.

— Что с поставками сырья? — прямо спросил я.

Купец сложил пальцы домиком, внимательно разглядывая меня поверх очков:

— Заказанные двенадцать брусков меди и четыре ясене-

вых бруса остаются за вашей мастерской. Подвоз со склада будет открыт с завтрашнего утра. Но предупреждаю сразу: прежнего безлимитного кредита вы не получите. Только стопроцентная оплата по факту отгрузки. Если покажете устойчивый оборот в течение трех-четырех месяцев — вернем коммерческую рассрочку.

— Справедливо, — я спрятал погашенную расписку во внутренний карман. — До завтра, господин Купп.

— Всего доброго, мастер Реннар, — купец кивнул, и в его голосе впервые прозвучала нотка профессионального уважения.

Мы вышли на улицу.

Холодный ветер с реки трепал полы куртки, пахло талым снегом, углем и свежей выпечкой из соседней пекарни.

Тиль шел рядом, широко улыбаясь во весь рот. Парень выглядел так, словно с его плеч сняли каменную глыбу.

— Мастер... Купп закрыт. Медь наша. Мы... мы выжили!

— Первый рубеж взят, — ответил я, глядя вперед, на длинную ленту Медного ряда.

Внутри не было триумфа. Был трезвый, безжалостный анализ производственной обстановки.

Гарн Купп был закрыт до дедлайна, снабжение спасено, старый законный долг ликвидирован. Но свободной кассы снова почти не оставалось. Впереди висел официальный долг перед Домом Трёх Монет, а за спиной теперь стоял Серый Кард, который убедился: Реннар Вельт умеет делать ред-

кие и полезные вещи.

Я сделал первый шаг в серую воду криминального рынка. Назад дороги не было. Теперь нужно было научиться плавать в этой мути так, чтобы не пойти на дно при первом же шторме.

Глава 6

За несколько дней после расчета с Гарном Куппом мастерская заметно ожила: у стены сохли свежие ясеневые брусья, в сундуке лежала новая медь, а в горне снова держался рабочий жар. Но вместе с поставками к воротам пришло и чужое внимание.

Купец сдержал слово и открыл поставки за наличные. После расчета свободных денег осталось немного — хватало на еду, уголь и мелкие материалы, но не на людей или серьезное расширение.

Касса была почти пуста, а передышка оказалась обманчивой.

Я стоял у верстака, затачивая полукруглый резец на масляном оселке, и через узкое окно наблюдал за переулком.

Туман рассеялся, открыв взгляду унылый пейзаж Ремесленного пояса: щербатые кирпичные заборы, чадающие трубы красилена и раскисшую от осенней слякоти колею. Прямо напротив наших ворот, под навесом заброшенного сапожного сарая, сидел человек в вытертой суконной куртке. Он делал вид, что чинит сыромятную упряжь, но за последние полчаса ни разу не ударил шилом. Его взгляд методично, с ленивым терпением наемного соглядата, возвращался к нашим окнам всякий раз, когда во дворе скрипела дверь.

Это был уже третий человек за три дня.

Серый Кард и Миран Тессел не ломали засовы, но держали мастерскую в плотном кольце. Их интересовало всё: кто к нам заходит, какие материалы привезли со складов Куппа, сколько дыма идет из горна и берем ли мы новые заказы. Ростовщик из Дома Трёх Монет хотел точно знать, когда у разорившегося Вельта появятся новые деньги, а уголовный авторитет района примеривался к мастеру, показавшему редкую сноровку на бесшумной контрабандной тележке.

Быть объектом наблюдения — паршивое чувство. На производстве я слишком хорошо знал другое: если неполадку или чужой интерес долго не измерять, в самый неудобный момент они превращаются в аварию. Чтобы защищаться, нужно было сначала понять, кто именно смотрит на мои ворота и куда уходят сведения.

Но нанять собственных соглядатаев я не мог: на это не было ни связей, ни серебра.

— Тиль, — позвал я, не отрываясь от оселка.

Подмастерье, оттиравший ветошью следы окалины с наковальни, мгновенно выпрямился:

— Да, мастер?

— Что у нас лежит в дальнем нижнем ларе, под стеллажом с обрезками бронзы? — я указал концом резца в темный угол мастерской. — Там стоял деревянный ящик с малым служебным каркасом.

Тиль моргнул, припоминая, затем почесал перепачканный сажей затылок:

— А, старый бегунок? Так он же дохлый, мастер. Ваш ба-
тюшка его лет шесть назад собрал, чтобы мелкие поковки из
цеховой кузни в сумке таскать, да у него шарниры на задней
паре лап заедали. А когда вы три года назад накопитель от-
туда вытащили для перепродажи, он так в пыли и остался.

— Доставай, — скомандовал я. — И возьми на полке са-
мый маленький кварцит из отбракованных. Тот, с трещиной
на грани.

Через минуту на верстаке передо мной стоял голем, раз-
мером не превышавший упитанного барсука.

Конструкция была приземистой и на удивление ладной
для старой кернской школы. Корпус из вываренного в воске
дуба, четыре короткие суставчатые лапы с бронзовыми ко-
готками для сцепления с брусчаткой и плоская верхняя пло-
щадка с ременными захватами для небольшого груза. Ника-
ких глаз, никаких имитаций головы — только медный ко-
нус направляющего приемника на передней кромке и круг-
лое гнездо под кристалл в брюшной части, закрытое сдвиж-
ной латунной крышкой.

Я внимательно осмотрел механику.

С земной точки зрения кинематика аппарата была при-
митивной: две пары кривошипно-шатунных передач, соеди-
ненных с центральным кулачковым валом. Но даже без ма-
гии было видно, почему машина хромала: на левой задней
опоре медная тяга была согнута под слишком крутым углом.
При каждом обороте вала рычаг упирался в ограничитель-

ный упор раньше, чем нога завершала шаг, создавая паразитное трение.

Это был внешний дефект, понятный любому токарю. Но главная проблема крылась не в металле.

— Как отец им управлял? — спросил я Тиля.

— Да как все, — пожал плечами парень, кладя рядом тусклый, серый камешек кварцита размером с грецкий орех. — Ведешь его на медном поводке с командным штифтом. Ткнешь в конус — он идет прямо за наконечником, пока держишь резонанс. Отпустишь поводок — встает мертво. А если штифт на непрерывный ход замкнуть, он будет переть по прямой, пока в стену не упрется. В стену ткнется — лапами скребет на месте, пока ядро не сдохнет или шестерни не срежет. Обычный тупой слуга, мастер. Их же сложнее не делают, цех запрещает без оператора машины по улицам пускать.

«Цех запрещает, потому что мастера не умеют задавать машинам условия», — подумал я.

В Ардене ремесленники умели создавать великолепные, долговечные физические тела и насыщать их колоссальной энергией. Кернские мастера понимали традиционные формы и плетения куда глубже меня, но их мышление оставалось строго линейным. Голем в их понимании был просто магическим паровым двигателем с ножками: подал тягу — он идет, перекрыл клапан — встал. Вся сложность поведения перекладывалась на человека с поводком или на дорогостоящие стационарные маяки.

Мне же нужен был не носильщик. Мне нужен был разведчик, способный выйти из мастерской через сточную канаву, затаиться в темноте у угла трактира, дожждаться смены соглядатаев и вернуться обратно без моего физического присутствия рядом.

— Тиль, — я достал из кармана фартука три медных гроша. — Сходи на Угольный ряд к старику Вейсу. Купи два мешка сухого ольхового угля для горна. Да смотри, чтобы без трухи и влаги, нам сегодня медь паять.

Подмастерье с готовностью сгреб монеты:

— Я мигом, мастер! Туда и обратно за полчаса обернусь.

Тяжелая дверь за парнем захлопнулась, во дворе простучали его торопливые шаги.

Я остался в мастерской один.

Тишина заполнила комнату, нарушаемая лишь редким потрескиванием остывающей печи да глухим шумом улицы за занавешенным окном.

Я пододвинул бегунка к себе, взял молоточек с узким бойком и аккуратно, двумя точными ударами выправил погнутую медную тягу на задней лапе. Рычаг встал в паз с мягким щелчком, зазор выровнялся. Механическая часть была исправна.

Теперь наступал главный рубеж.

Я взял кварцит, вставил его в гнездо на брюхе голема и повернул прижимную скобу. Камень сел плотно, коснувшись трех медных контактов.

Я положил правую ладонь на спинную пластину аппарата.

Печать Вельтов отозвалась мгновенно. Багровый рисунок из трех концентрических колец в центре моей ладони налился сухим, плотным жаром.

Я закрыл глаза и сосредоточился.

Привычного зрения не стало. Вместо него пришёл слабый, ещё плохо различимый отклик: накопитель отзывался теплом, а от него к лапам тянулось несколько напряжённых направлений. Я не видел всего ядра и тем более не знал назначения каждой связи. Стоило вниманию уйти в сторону, ощущение расплывалось.

Я запустил бегунка, удерживая ладонь на пластине. Когда передняя планка упёрлась в край верстака, в одном знакомом участке возникло резкое напряжение. Машина продолжала тянуть вперёд, а этот узел будто становился туже. Вот и всё, что дала мне Печать: не ответ, а повторяемый симптом внутри настройки.

Я остановил аппарат и ещё дважды повторил опыт. Каждый раз внешний упор совпадал с тем же внутренним натяжением. В земной автоматике это было бы простым сигналом обратной связи. Здесь я не знал местной формулы, но причинность была той же: событие уже возникало — ядро просто не использовало его как условие для другого действия.

От этой мысли сердце забилося быстрее. Не потому, что я вдруг понял всю магию Ардена. Наоборот — я почти ниче-

го в ней не понимал. Но впервые нащупал место, где мог попробовать изменить не силу импульса, а последовательность поведения.

Я направил через Печать тонкий импульс в знакомый участок. Связь сопротивлялась — упруго, вязко, будто её пытались сдвинуть против естественного положения. Я не стал лезть глубже. Мне требовалось только одно: при резком упоре снять тягу, дать короткий поворот и снова разрешить ход.

С первого раза ничего не получилось. Бегунок остановился у бочонка и остался стоять. На втором опыте поворот вышел слишком ранним. Только на третьем внутреннее напряжение откликнулось иначе — коротко, почти как щелчок под пальцами.

Печать обожгло. Я поспешно оборвал связь, но поток закрылся не сразу; ладонь саднило, по предплечью прошла слабость. Цена была заметной именно потому, что я впервые заставлял знакомую структуру принять новую причинную связку.

Я поставил бегунка на пол и запустил снова. У бочонка он упёрся передней планкой, замер, сделал короткий разворот и пошёл дальше. Никакого понимания препятствия, никакого выбора пути — одна грубая связка, заданная мной.

Я невольно усмехнулся. Живая магия подчинилась условию, которое ещё час назад существовало только у меня в голове. Хотелось немедленно попробовать второе, третье, сложнее — и именно поэтому я заставил себя остановиться.

Тиль не должен был видеть, что произошло внутри. И я сам ещё не знал, где проходит предел.

Скрипнула входная калитка. Я быстро подхватил бегунка, задвинул его под верстак за старый брезент и взял в руки резец.

Дверь распахнулась, впуская Тиля с двумя холщовыми мешками угля на плече.

— Принес, мастер! — шумно выдохнул парень, сгружая уголь у горна. — Еле сторговался, старик Вейс за сухую ольху три шкуры дерет... А у наших ворот всё тот же лоб в суконной куртке сидит. Даже не прячется, собака.

— Пусть сидит, — спокойно ответил я. — Разожги малый горн. До темноты переберем направляющие для кузнечных тисков.

Настоящая охота началась глубокой ночью.

В Ремесленном поясе погасли последние огни. Лишь изредка по мостовой Главного тракта проезжал конный патруль городской стражи с факелами, да с реки доносился протяжный вой бродячих псов.

Ирма и Тиль давно спали в жилых комнатах.

Я спустился в темную мастерскую, не зажигая свечи.

На спину бегунка я прикрепил небольшой деревянный пенал с мелом. При движении вдоль каменного борта мел оставлял тонкую метку почти у самой земли. Это не давало мне видеть глазами машины, зато позволяло проверить: прошёл ли аппарат по выбранному краю канавы и вернулся

ли обратно.

Я подошел к вентиляционной отдушине в углу подвала, выходявшей прямо в сточную канаву переулка. Отодвинул железную решетку, поставил бегунка на влажный кирпичный карниз и активировал ядро.

— Пошел, — прошептал я.

Темная деревянная тушка бесшумно скользнула в дыру и растворилась в ночной мгле.

Следующие два часа я провел на чердаке у слухового окна, наблюдая за переулком сквозь щель в ставнях.

Ночь была холодной, изо рта шел пар, пальцы коченели на мокром дереве подоконника.

Около трех часов ночи на углу переулка, возле трактира «Кривой якорь», мелькнул слабый огонек. Человек в суконной куртке, дежуривший у наших ворот, поднялся со своей лавки и не спеша зашагал к трактиру. Там, в глубокой тени под навесом, его уже ждали двое.

Одного я узнал по коренастой фигуре и дубинке за поясом — Рог Дейн. Второй был одет в добротный темный плащ с капюшоном, а в руках держал плоскую конторскую папку, перетянутую кожаным ремнем.

Они говорили недолго — меньше пяти минут. Соглядатай что-то докладывал, указывая рукой в сторону моей мастерской, а человек в капюшоне методично вносил пометки в бумаги при свете тусклого потайного фонаря. Затем Рог передал человеку в плаще несколько серебряных монет, тот ко-

ротко кивнул и быстро зашагал в сторону Верхнего города, а Рог с подручным свернули в Нижние переулки, к логову Серого Карда.

Спустя полчаса в отдушине подвала раздался тихий, сухой скрежет.

Я спустился вниз.

Бегунок сидел на карнизе, его дубовые лапки были перепачканы уличной грязью, но сам аппарат был цел. Я бережно вытащил его, задвинул решетку и зажег масляную плошку за ширмой.

Мелок в пенале стерся ровно на треть.

По следам мела было видно: бегунок прошёл вдоль выбранного борта до заранее выставленного упора у трактира и после смены простого импульса вернулся тем же краем. Он ничего не выслеживал и не ждал людей — всего лишь выполнил узкую связку, которую я ему задал.

На ремennom захвате застрял клочок вощёной бумаги — скорее всего, бегунок подцепил его у стены под навесом.

На обрывке сохранилась часть синего оттиска с тремя монетами и несколько слов канцелярским почерком: «Вельт», «доходы», «доля». Этого было мало для суда и слишком много для совпадения.

С чердака я сам видел, как соглядатай докладывал Рогу, а Рог после разговора ушёл в Нижние переулки. Человек с папкой направился в сторону контор Верхнего города. Теперь связь складывалась без чудесной бумаги с готовым при-

знанием: Кард получал уличные сведения, а люди Трёх Монет отдельно считали будущие доходы мастерской.

Я медленно сжал клочок бумаги в кулаке.

Пасьянс сошелся с идеальной, безжалостной точностью.

Картина складывалась неприятная. Соглядатай докладывал людям Карда, а канцелярский обрывок связывал наблюдение с Домом Трёх Монет. Кто именно отдавал каждое распоряжение, я не знал, но мои доходы явно считали и оценивали. До ревизии оставалось достаточно времени, чтобы попытаться превратить оживающую мастерскую в чужой актив.

Они считали меня слепым должником, загнанным в угол зверьком, который только и может, что метаться между молотом криминала и наковальней ростовщика.

Они не знали одного.

Я больше не был добычей.

Я подошел к верстаку, провел пальцами по гладкому деревянному боку маленького сторожа и спрятал ядро в потайной карман.

Теперь я видел хотя бы часть их цепочки. И главное — впервые мог смотреть в ответ, не выходя к соглядатаю на улицу.

Глава 7

Холодный северный ветер выметал из переулков Ремесленного пояса остатки осенней листвы, прибивая ее к влажным цоколям кузниц и красилен.

После того как записка из конторы Тессела легла в потайной ларь за кирпичом очага, мастерская прожила несколько обманчиво спокойных дней. Мы закончили мелкий ремонт кузнечных мехов для мастера Гора, перебрали две изношенные бронзовые муфты для мельничного привода и заработали немного серебра на хлеб, сушеную рыбу и дрова. На улице у наших ворот больше не сидел один и тот же бездельник в суконной куртке — соглядатаи теперь менялись каждые четыре часа, стараясь не мозолить глаза, но их присутствие ощущалось кожей. Тессел держал руку на пульсе моих доходов, выжидая момент, когда мастерская обрастет жирком, достаточным для хорошего поглощения.

Сидеть в глухой обороне и ждать, пока ростовщик сплетет сеть, было верным путем к петле. Чтобы спорить с Домом Трёх Монет, требовались совсем другие деньги — и совершенно иной уровень заказчиков.

К полудню мы с Тилем поднялись к Верхней террасе, где Ремесленный пояс упирался в массивные гранитные укрепления Дома Арвейн.

Здесь город выглядел иначе. Никакой раскисшей глины

под ногами — мостовая была выложена ровными серыми плитами, плотно пригнанными друг к другу. Вместо закопченных бревенчатых сараев вдоль широкого проезда высились двухэтажные каменные пакгаузы с узкими решетчатыми окнами и тяжелыми воротами, обитыми полосовым железом. На башнях над въездными воротами полоскались синестальные вымпелы с серебряным соколом — родовым знаком Арвейнов, державших в руках пограничные гарнизоны, рудники и половину речного сплава леса.

Во дворе грузового терминала царил суровый, военный порядок. Дюжина стражников в кольчужных рубахах и вороненых полушлемах мерно обходила ряды штабелей с корабельным лесом и чугунными чушками.

У крайнего навеса нас ждал управляющий.

Арно Далю было около сорока пяти. Высокий, поджарый, с гладко выбритыми щеками и прямым, рассеченным старым сабельным шрамом подбородком. Он носил добротный камзол из плотного темно-синего сукна с серебряными пуговицами и узкие кожаные перчатки, которые не снимал даже при чтении бумаг. На его поясе висел узкий служебный кортик в стальных ножнах, а в руках он держал длинный инвентарный свиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.